

Эль Бруно

Бестиарий

*Где люди,
где Сатана покажется светом...*

Эль Бруно
Бестиарий

«Издание книг ком»

2018

УДК 82-3
ББК 84-44

Эль Бруно

Бестиарий / Эль Бруно — «Издание книг ком», 2018

ISBN 978-5-907250-93-2

Она прыгнула с Братеевского моста на глазах у детей, – пишет Александра в своём сетевом дневнике. Странный человек преследует её. Может, он замешан в подстрекательстве к самоубийству женщины? Так или иначе, ей страшно... Потому что тот, кто охотится за ней – настоящий психопат, и она никому не может об этом сказать. Рано или поздно он поймает её. Теперь она станет его очередной жертвой? Что может противопоставить 17-летняя студентка явно опасному маньяку?

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-907250-93-2

© Эль Бруно, 2018
© Издание книг ком, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Эль Бруно Бестиарий (I триада)

Среди людей, где Сатана покажется светом...

© Эль Бруно, 2021

Пролог

– Что ты ищешь? Только честно, – спросил старик.

Точнее, пожилой человек юного возраста. Пожилой – потому что волосы его седые, а лицо исчерчено морщинами, словно линиями тонкого карандаша. Юного возраста – потому что он презирал слабость старости, ходил прямо, быстро, решительно. Потому что ещё даже не носил очки и умел ухаживать за собой.

Он задал свой вопрос сыну.

– Ты согласился работать со мной в этом городе, как послушная собачонка, но я тебя слишком хорошо знаю. И знаю – ты что-то ищешь.

– Все мы что-то ищем, – он даже не скрыл издевательской нотки в голосе, давая понять, что этим философским тезисом намеренно обесцветил его вопросы.

– Не води меня за нос, я этого не люблю.

Не отец с сыном, а враг с врагом, вынужденные делить общее дело. Протянутая между ними нить напряжения всегда осязалась физически.

– Я ничего не ишу. Просто... развлекаюсь, – он улыбнулся, и, как прежде, улыбка эта его отцу не понравилась. Никому не нравилось, когда он так улыбался, потому что изгиб его губ напоминал острие кинжала, который ещё в тебя не нацелен, но это может произойти в любой момент.

– Твои развлечения часто ведут к крови... К большой крови.

– Не переживай. Всё в рамках горячо любимого тобой закона. Ну, почти... – он усмехнулся и, не прощаясь, вышел из кабинета отца.

Часть 1 Аластор

* * *

Полицейская лента тревожно жёлтого цвета кривой ломаной линией очертила территорию площадью в двенадцать квадратных метров. Ее Саша увидела издалека и сразу замедлила бег.

Она выходила на пробежку в парк 850-летия Москвы каждое утро, если не шёл сильный дождь, и ей удавалось проснуться пораньше. Такой погожий день выпал как раз на одиннадцатое мая. Однообразный пейзаж вдоль реки навевал грусть, в воздухе носились чайки и утки. Дул слабый, свежий ветер, машин не было слышно, будто из Москвы ты сразу попадаешь в пригород. Саша бежала в направлении Братеевского моста, пробежала под ним и мчалась дальше. Она почти достигала конца дорожки, упирившейся в поросший густым сорняком берег реки, а затем делала перерыв на быструю ходьбу, после чего двигалась в противоположном направлении.

Саша замедлила бег, всматриваясь вдаль.

Часть территории, огороженная сигнальной лентой, оказалась под Братеевским мостом, вторая часть – на выложенной серой брусчаткой пешеходной дорожке. Проход посетителям парка загораживали две машины полиции и одна «неотложка».

«Если бы это был несчастный случай, при котором остались выжившие, в сигнальной ленте не осталось бы нужды. Но лента есть, и есть две машины полиции. Много полицейских, оперативники в гражданской одежде. Тут труп. Точнее, его уже убрали в машину», – подумала Саша, мельком взглянув на место происшествия.

Она прошла мимо него так же, как и все. С тем же лицом, с каким проходят мимо нищих, инвалидов или человека в беде, которому ты объективно не можешь помочь. Она прошла мимо почти по привычке, подобно всем гражданским, гулявшим в парке.

Саша решила закончить с пробежкой и сразу пошла в кофейню.

«Кофе-Хауз» расположился прямо у метро. Она вошла в тесноватое помещение с высокими окнами в стиле модерн и села в кресло. Рассеянно взяла в руки меню и, кусая губы, слепо посмотрела на страничку.

– Что закажете? – раздался голос вежливого официанта над ухом.

– Большой капучино, – ответила она автоматически. – С собой.

– Хорошо. Может быть десерт? Мороженое?

– Нет, спасибо.

Саша открыла нетбук и включила его.

«Сегодня в десять часов утра. Братеевский мост. Возможно, труп. Слишком много полицейских. Если это и убийство, то либо совершено не сегодня, либо совершено по неосторожности, на эмоциях. Слишком открытое место. Хочу посмотреть, что удастся выведать».

Она вела закрытый блог на сайте mydiary, у нее не было читателей, и записи от мужского лица могла читать только она.

Саша проверила, взяла ли с собой таблетки, дождалась свой заказ, посидела в кафе двадцать минут, а потом вернулась в парк.

Он был так же чист, как и вчера в это же время – ни сигнальной ленты, ни машин, ни людей.

«Быстро они. Если бы я пошла на пробежку позже, то могла бы ничего не узнать».

С Братеевского моста каждый год падают или прыгают примерно три человека. Почти всегда это – самоубийцы. Саша это знала, потому что успела изучить статистику. В последнее время там стали находить расчлененные трупы, их приносило к берегу течением: черные свертки полиэтилена путались в камышах.

Саша спустилась по бетонной дорожке к воде и сразу заметила множество листов бумаги, испещренных напечатанными одинаковыми абзацами. Среди них попадались тетрадные листы из блокнота. У опоры моста поблескивал в воде CD-диск.

Она осторожно встала на самый край берега, присела и дотянулась рукой до одного из листов бумаги. Затем достала маленькие прямоугольники страничек из блокнота. До диска она не дотянулась бы даже длинной палкой.

Саша присела на корточки, не боясь испачкать штаны, сфотографировала записи из блокнота – там было название какого-то храма и адрес сайта. На листе бумаги побольше оказалась распечатка нескольких абзацев одинакового текста – русская транскрипция каких-то молитв на санскрите.

Брать с собой сырые листы бумаги она не стала и посмотрела вверх на мост.

«Сильный ветер. Ни одного листа на берегу – все в воде. Вещи выпали откуда-то, но не рассеялись на сильном ветру, а попали в воду. Значит, были в аккуратной пачке и упали вместе с сумкой в реку. Именно поэтому они теперь здесь, а не на берегу».

«Она» – такой вывод сделала Саша из почерка, обнаруженного на бумаге. «Почерк округлый, аккуратный, мягкий. Такой бывает, в основном, у женщин. У мужчин формат такого почерка имеет элементы неряшливости. Но пока нужно учитывать, что почерк не обязательно принадлежит той, что упала в воду».

Саша продолжила осмотр.

«Молитвы на санскрите, посвященные Кришне. Вероятно, йога? Она не обязательно занимается йогой и имеет к этому отношение. Здесь одинаковые абзацы, сильно разделенные пробелами. Некоторые разрезаны. Их очень много. Такое большое количество ни для каких занятий не понадобится. Вероятно, их предстояло раздавать на улице».

Саша прочла в блокноте упоминание о священном озере в Индии. Похоже на сбор сведений для того, чтобы отправиться туда в паломничество.

«Скорее всего, почерк всё же её. И она собиралась в поездку либо помогала кому-то туда собираться. Во всяком случае, дел у неё точно сегодня должно было быть много. И она бросилась в реку? Не упала, потому что поручни надёжные и высокие. Или её столкнули? Но тогда убийца должен быть безумцем, ведь на мосту есть камеры и всегда полно свидетелей. Учитывая, что жертва должна была бороться или пытаться убежать, а парапёт высокий, у него ушло бы много времени на то, чтобы бросить её в воду. Это похоже на бред, и я пока не стану принимать в расчёт убийство».

Саша поднялась на мост по лестнице.

«Если это – самоубийство, то логично прыгать ближе к центру моста – река очень широкая, у берегов мелководье. Но она почему-то упала близко к берегу», – Саша перегнулась через парапёт, сильный ветер немедленно взвыл ей в ухо.

«Словно она торопилась».

Саша резко обернулась, ей показалось, что в спину ей кто-то пристально смотрит. Но никого не было.

«Раннее утро. Ты идёшь через мост с сумочкой через плечо. У тебя сегодня много дел. Но потом ты просто останавливаешься. Потом ты просто прыгаешь с моста. Слишком нетипично для самоубийства.»

Она посмотрела вниз, в парк. Ей показалось, что кто-то смотрит на неё, стоя в тени среди диких яблонь у дорожки для пешеходов.

Приступы паранойи случались с ней чаще, чем приступы панической атаки. Чтобы бороться с социофобией она пила таблетки, использовала черные очки и наушники.

Когда Саше позвонили, она вздрогнула. Ее нервировал звонок телефона. Облизав губы, она взяла трубку.

– Привет! – раздался в динамике звонкий голос. – Я звоню, чтобы торжественно позвать тебя сегодня... в ночной клуб!

– Ты хочешь отмечать день рождения там? – с вялым воодушевлением спросила Саша. – Ладно, я приду.

– Ну, ради меня, – протянула девушка. – Я позвала Машку и Генри.

– Ты помирилась с Генриэттой? – снова воодушевление в голосе слишком вялое. – Здорово! А я тут кое на что интересное наткнулась.

– Наверное речь идёт о каком-то загадочном убийстве, – усмехнулась ее собеседница. – Мне кажется, тебе нужен парень. Будем его сегодня тебе искать.

– У тебя тоже нет парня, – сощурившись, напомнила Саша.

– Тогда мы будем искать двух парней, – не сдавалась подруга. – Отказы не принимаются!

«Я прощу ей это только потому, что сегодня ей исполняется семнадцать», – подумала Саша.

Еще ей захотелось сказать своей подруге, что сегодня с моста в реку прыгнула девушка, и это пока не очень похоже на самоубийство. Она хотела рассказать, что узнала о произошедшем, даже не увидев тела и ориентируясь всего лишь на листы бумаги в воде.

Но Саша не стала этого делать, она словно наткнулась на бетонную глухую стену внутри собственной грудной клетки. Это чувство было с ней всегда. В семье и в кругу друзей никто не понимал её «увлечения». Поэтому она старалась не упоминать о нём в разговорах.

Саше захотелось крикнуть подруге, трясая ее за плечи:

– В мире умер человек, понимаешь, идиотка?! Тебе плевать?! Всем плевать, а мне – нет! И я хочу знать, что толкнуло её на это! Я хочу узнать и узнаю! Пусть мне не платят... пусть я беспомощна... И общаться я не хочу с тобой, потому что ты – дура! Вы все вокруг меня круглые идиоты!

Она потерла лоб и глубоко вздохнула.

«Они не виноваты. Это я ненормальная. Это мои проблемы...»

Саша никого не винила в своём одиночестве, кроме себя. К тому же, одиночество ее устраивало. Но все же, порой ей не хватало говорящего существа, которое бы ходило рядом и просто комментировало ход ее мыслей.

– Электронный Ватсон, – смеялась ее мама. – Хочешь, я им буду?

«Милая и замечательная ты у меня, – думала печально Саша. – Ты же уснешь, пока я тебе буду рассказывать, чем занимаюсь. И я снова окажусь наедине с собой и своими открытиями, которые никому не нужны, мам. Ты не понимаешь, мама, я хочу... искать причины, толкающие людей совершать зло. Я знаю, что за это не платят. Это – не рисовать картины, не писать книги... Просто прости меня, мама, я... я ненормальная».

Иногда знакомые её спрашивали:

– Ты поступила на философский факультет. Зачем ты составляешь психологические портреты преступников?

И Саша отвечала, что судебный психолог в России просто не имеет возможности зарабатывать по своей специальности. Что профайлер – это одиночка, которого нанимают для чепухи, вроде проверки коллеги или клиента «на вшивость». Он перебивается от заказа к заказу и должен хорошо себя зарекомендовать, чтобы иметь хоть какую-то клиентскую базу. В МВД она идти не хотела, и не желала работать в полиции. Всё интересное происходит в Следственном комитете, но, чтобы туда попасть, нужно уметь драться за карьерный рост.

В остальном, не считая её странной мании составлять психологические портреты преступников и социофобии, Саша изо всех сил казалась заурядной. Даже её странности на фоне остальных не сильно выделялись. Их даже можно было принять за некую дань моде, когда важно отличаться от других.

По телевидению шли сериалы, вроде «Доктор Хаус», «Обмани меня» и «Шерлок». Мода на интеллект разрасталась в образованном обществе с той же скоростью, с какой в своё время росла мода на металл в девяностых. Саша не красилась, носила короткую стрижку, читала Умберто Эко и Гоголя. Она смеялась над собой и говорила:

– Я посредственность!

– Ты так говоришь, чтобы выделиться, – улыбалась Маша.

– Так и есть, – признавала она с глубокой долей странной самоиронии.

«Мне душно. Мне надоело притворяться. Каждая ваша фраза известна мне заранее. Я живу в мире часовых механизмов. Сейчас ты скажешь, что я...»

– Выпендрёжница, – легкомысленно смеётся Маша.

«И я хочу убить тебя», – дополняла Саша, а сама смеялась так, словно они были закадычными подругами и прекрасно друг друга понимали.

– А зачем ты это делаешь? – спрашивала её мама. – Понять не могу. Для чего это странное хобби?

Слово «хобби» было для Саши обидным, но она никогда не говорила этого. Для неё это – работа, смысл её существования, то, что делало её счастливой. Но она сама не могла ответить на заданный ей вопрос. Это прозвучало бы, как признание в сумасшествии.

– Просто мне интересны люди, – пожимала плечами Саша.

Она лгала. Люди ей были неинтересны совершенно.

Саша сунула телефон в карман и спортивной походкой быстро зашагала к дому. В ту секунду ей снова показалось, что кто-то смотрит на нее слишком пристально. Ощущение было сильным, как тычок пальцем.

«Паранойя», – раздражённо подумала Саша.

* * *

– Сегодня у Аськи день рождения, мне придется поехать в клуб, – она вошла на кухню и взяла из вазы яблоко.

Мать посмотрела на нее и слабо усмехнулась:

– Там кто-то умрёт?

– Нет, – ответ от Саши прозвучал с сомнением.

– А звучит именно так!

– Не хочу никуда идти...

– И в кого ты только такая? – с печальной улыбкой спросила ее мама. – Мы с папой в твои годы обожали вечеринки. Да и братья твои дома только ночуют. Иногда.

– Но я хорошо учусь...

– Вечеринки не всегда отвлекают от учебы, если грамотно планировать день, – парировала мама. – Не забудь взять с собой таблетки и будь на связи. Кстати, я могу сыграть роль злобной гримзы и сказать твоим подругам, что сегодня ты мне нужна дома.

– Мне уже почти восемнадцать. К тому же, мы это в прошлый раз использовали, – сказала Саша. – А тебя и правда так расстраивает то, что я не люблю веселиться? – она подняла брови и посмотрела на маму обеспокоенно.

– Нет, конечно, – улыбнулась та. – Это же твоё право – развлекаться, как тебе хочется. Жаль только, что с фобией твоей всё так сложно.

– Мне тоже.

– Ну, не делай такое лицо. Ты же не виновата, – мама вытерла руки о полотенце. До сего момента она ловко мяла эластичный, большой кусок белого теста, от которого исходил теплый, сладкий запах.

– Кто знает. Я же не помню, – пробормотала Саша, рассматривая свои руки.

– Знаешь, что? Помогии-ка мне с фруктами. Нарезь их, а потом можешь собираться в клуб на день рождения, – решительно произнесла мама.

Обе непохожие, как огонь и лёд, они всё же прекрасно ладили. Саша – тонкая, с абсолютным отсутствием фигуры, внешне не привлекала к себе внимания. Лицо ее было выразительным из-за контраста чёрных волос и светлосерых, как пасмурное февральское небо, глаз под пышными ресницами, но всё портил большой лоб и слишком тонкий, широкий рот. К этому добавлялся по-мужски изогнутый нос, который не красит ни одну девушку. Временами она могла казаться почти симпатичной, но чаще слышала в свою сторону «ну и страхолюдина» от одноклассников. Саша привыкла к своей внешности, она не умела кокетничать и, несмотря на неплохое чувство стиля, оставалась невзрачной. Ее мать – пухленькая, изящная женщина с копной каштановых кудрей и большими, зелёными глазами, не была похожа на свою дочь. Саша больше напоминала отца – высокого, стройного, красивого мужчину. От него ей достался и нос, который очень ему шёл, и серые глаза, и чёрные, как уголь, волосы. Она часто думала, что лучше бы родилась мальчиком. В своей семье она была младшей, единственным интровертом с выраженной социофобией.

«Я должна ценить то, что у меня есть», – твердила себе она, как заклинание, каждый день.

Поэтому Саша изо всех сил старалась быть счастливой.

Она старалась дружить с своими подругами и лишней раз не расстраивать родных.

Их расстраивали её моменты откровенности. В эти периоды Саша менялась в лице, тон её становился нервным, и она задевала ненужные темы. О несправедливости происходящего в стране, о том, что где-то посадили невиновного, о конформизме в современном обществе. Родные же предпочли, если бы Саша являлась домой под вечер, пьяная в стельку и с засосами на шее. Это, как им казалось, являлось символами счастья любого подростка. Саша твердила, что это – символы отчаяния и ошибок, а родных беспокоило, что ей интереснее смотреть документальные криминалистические фильмы. И стопки тетрадей с конспектами об этом тоже их беспокоили. Лучше бы она коллекционировала бабочек. Лучше бы она плохо училась, была поглупее, но счастливее.

Родственники искренне желали ей только добра. Саша это чувствовала, но также чувствовала и неправильность этого «добра», только не могла догадаться, в чём она заключалась.

Она подошла к зеркалу в своей комнате. Саша нарисовала на веках тонкие, черные стрелки, которые сделали ее глаза выразительнее, а взгляд – острее, затем подняла наверх короткие волосы с помощью заколок, открывая тонкую, длинную шею – единственную несомненно красивую часть своего тела, не считая кистей рук. Она собралась за пятнадцать минут и получив в своё распоряжение до вечера несколько часов свободного времени, сосредоточилась на утреннем происшествии.

Пользуясь поисковиком, она узнала, что значили записи на санскрите.

«Аум трийамбакам йаджамахе сугандхим пушти вардханам урварукамирва бандханан мритйор мукишйя мамритат.»

Переводилось это примерно так:

«Поклонение Трехокому Господу, Шиве, Благоуханному, Несущему Благо! Разрушающий узы рождений и смертей, Да освободит Он нас от смерти ради Бессмертия!» «Речь идёт о разрушении колеса Сансары, – рассуждала Саша. – Человек, практикующий подобное вероисповедание, обычно не думает о самоубийстве, потому что оно полностью расходится с самой идеей веры. Если все же это – убийство на почве неконтролируемых эмоций, то кто и зачем

мог сделать подобное? Разумеется, его можно легко поймать по горячим следам. Это точно уже сделали, не зря же в парке было целых две машины полиции.»

Саша перешла по адресу сайта, который был написан в блокноте и попала на довольно плохо сделанный форум любителей йоги. Она сразу решила посмотреть информацию об администраторах форума. Ими оказались две девушки, их имена скрывали псевдонимы.

«Либо сообщение о смерти я увижу тут завтра, либо в новостной ленте, – подумала Саша. – Таким образом, я проверю себя, ведь не исключено, что я ошиблась в самом начале, да и труп я лично не видела».

Она сделала ещё несколько записей в дневнике и закрыла его.

«Стоп! Что-то не так».

Она снова открыла на нетбуке перенесённые с телефона фотографии. Какое-то время Саша скрупулезно рассматривала почерк.

«Слишком сильный наклон строк вниз, заглавные буквы по размеру не отличаются от маленьких, нажим слабый. Она была подавлена и очень недовольна своей жизнью, но это – не всё. Почерк слишком ровный, аккуратный. Никакой небрежности. Каждая буква отчётливо понятна, словно она пишет для прописей. При этом буквы небольшие и плотно прижаты друг к другу. Она подавлена и замкнута в себе. В ней слабо развито чувство собственной индивидуальности. Мне сложно себе представить, что она искренне верит в слова молитвы, которая напечатана на листах бумаги».

Взглянув на часы, Саша поняла, что может опоздать. Она заставила себя прекратить анализ почерка и закрыла нетбук, опубликовав в закрытом сетевом дневнике обрывки своего отчёта для дальнейшей работы.

Саша оделась, еще раз взглянула на себя в зеркало и вышла из квартиры. Она спустилась по лестнице и хотела сообщить о своем уходе консьержке, но та сама окликнула её.

– Ты надолго уходишь?

– До полуночи или больше. Что-то случилось?

– Не... Поздно просто, – отмахнулась та нервно. – Ты же не одна?

– С подругами, – ответила Саша. – Не переживайте, всё будет хорошо!

– Ну, ладно, – она попробовала улыбнуться. – Ты только связи с родителями не теряй.

– Хорошо.

«Никогда не видела её такой встревоженной, – подумала Саша, выйдя из подъезда. – Странно, что она так переживает за меня. Она по-настоящему встревожена. Вероятно, у неё что-то случилось. Нужно будет её расспросить. Если я, конечно, вообще осмелюсь подойти к ней и задать вопрос. А я не осмелюсь, потому что у меня начнётся легкий приступ панической атаки».

Уже в метро Саша забыла о коротком диалоге с консьержкой.

* * *

«Мы за столиком недалеко от барной стойки», – написала Ася.

Саша заложила руки за спину, чувствуя лёгкие подступы ужаса. Пальцы ее дрожали. Людей было много, они черными, едва различимыми тенями, танцевали вокруг. Музыка оказалась очень приятной. Этот трек в стиле «ми-нимал» состоял из бархатных, глубоких басов, отдающихся эхом в самом центре грудной клетки, и лёгких мелодичных вставок. Музыка ассоциировалась у Саши с охотой. Казалось, что в толпе прячется хищник, и эта композиция была написана специально для него.

Саша поздоровалась с подругами, выслушала пару громких шуток на тему того, что она всё же почтила их своим присутствием и улыбнулась.

Это было просто – нужно лишь притвориться, что ты – человек. «Мне не хочется кричать. Мне не хочется, расталкивая всех в разные стороны, бежать прочь, а потом прятаться в тёмном углу, дрожа от рыданий. Я действительно считаю, что танцы в этом клубе – адекватное времяпровождение. Мне совершенно не кажется, что чьи-то глаза следят за мной с тех пор, как я сюда пришла. Успокойся, Саш, всё хорошо, всем наплевать на тебя – это самая лучшая черта тех, кто тебя окружает».

Друзья никогда не принимали фобию Саши всерьёз. Она ходила на учёбу, говорила с людьми, и наверняка её социофобия была модным самодиагнозом.

В какой-то момент Генриетта, которую все привыкли звать Генри, чем она очень гордилась, округлила глаза и спросила:

– Так... Кто-нибудь знает, кто он такой?

Среди них она была самой красивой. Генри знала себе цену, и Саша никогда не видела, чтобы она на кого-то смотрела так, как сейчас.

Ася посмотрела в указанном направлении:

– Я его не знаю, но он, скорее всего, модель.

– Ого... – коротко прокомментировала Маша.

– Тебе же не нравятся парни с длинными волосами, – ответила ей Генри с усмешкой.

– Просто я никогда не видела таких, как он. Но он, скорее всего, гей.

– С чего ты взяла? – быстро спросила Ася, посмотрев на Машу печально и даже чуть-чуть обиженно. – Может, он просто любит за собой ухаживать. А вдруг он – мой подарок на день рождения?

Саша же сказала, коротко взглянув на танцующего: – Какой неприятный человек!

– Сашка, – цокнула Генриетта, – вот вечно ты так! Тебе никто и никогда не нравится. Причём, чем симпатичнее парень, тем негативнее реакция. Пора вырасти и перестать так реагировать на привлекательных мужчин. Это в глаза бросается.

– И он брови красит, – холодно добавила Саша, проигнорировав замечание.

– Тебе тоже было бы неплохо, – с улыбкой заметила Маша и рассмеялась. – Не куксись! Ась, ну перестань на него залипать! Он заметит.

– Я с ним познакомлюсь, – не отрывая от него внимания, убеждённо сообщила девушка.

Саша с тревогой посмотрела на неё:

– Ты уверена?

– А что такого? – та храбро улыбнулась. – Он меня отошьёт, но я хотя бы попытаюсь!

Её отговаривали. Ей сказали, что у такого, как он, наверняка уже есть девушка. «Или парень», – подняв взор к потолку, добавила про себя Саша.

Когда Ася, осмелев, встала и неторопливо пошла к незнакомцу, Саше это совсем не понравилось. Она пригляделась к нему получше и почувствовала, как падает в глубокую, чёрную пропасть. Рухнув на самое дно, она могла ощущать только тяжесть сердцебиения и холод в собственном парализованном теле.

«Неподвижная мимика. Печальный и задумчивый взгляд – точь-в-точь, как у Джеффри Дамера. Нижние веки глаз сильно опущены, и это делает выражение лица отстранённым. Когда он говорит, то прямо в упор, не мигая, рассматривает человека, не испытывая никакого дискомфорта или смущения. Лицо его при этом совершенно симметрично – он плохо лжёт. У него очень низкий уровень эмпатии. Чрезвычайно уравновешен. Но всё это – не важно. Я могла бы разобрать анатомию его лица по кусочкам с помощью физиогномики. Я никогда не ошибаюсь, если вижу психопата. Впрочем, дело не в том, что он психопат, они не редкость в наше время. Но такие, как он... Я в жизни никогда таких не видела. Читала про них страшилки, книги. Всегда считала, что таких чистых случаев не бывает. И вот он... существует совсем рядом. И никто не видит его, никто не знает, кто он. И он умеет пользоваться этим, потому что очень умен, пожалуй, даже слишком. Подкрашенные брови, стиль его одежды и даже танец – это

маска. С ней он выглядит безобидным. Его тело прекрасно тренировано. Он кажется худощавым, тонким, но это – лишь видимость. А теперь вопрос. Зачем психопату притворяться легкомысленным метросексуалом в ночном клубе?» – думала Саша, повернувшись в сторону Аси. Она не могла заставить себя перестать смотреть. Ей стало страшно, руки начали дрожать.

– Ты знаешь его? – удивилась Маша, заметив её состояние.

– Это очень плохой человек, – не оборачиваясь, ответила она.

– Да, мы это уже слышали, – фыркнула Генри.

– Мне нехорошо... – резко произнесла Саша.

«Я должна увести её от него. Сейчас. Немедленно!» Ее ноги стали ватными. Но она поднялась и быстро, решительно направилась к Асе, не оглядываясь.

– Привет, – улыбнулась она, коснувшись плеча подруги, – вы извините, что я вас прерываю. Слушай, мне становится плохо, таблетки не помогают, а эти две уже набрались. Ты не можешь отвезти меня домой?

Ася посмотрела на неё с печалью и глубокой досадой. Саша чувствовала, что незнакомец на неё смотрит. Она почувствовала почти физически, как его взгляд разборчиво коснулся её шеи, рук, волос, груди и ног.

– Вы выглядите страшно напуганной, – заметил он негромко, бесцветно, но его спокойный голос прогремел в самом её сердце.

Она ему не ответила, даже не взглянула на него.

– Отвезёшь? – спросила она Асю умоляюще.

– Хорошо, конечно...

Ася попрощалась с незнакомцем и вышла вместе с Сашей из клуба. Девушка понимала, что подруга на неё обижена.

Обычно словоохотливая Ася по дороге к метро молчала. Саша же всю дорогу оглядывалась, но никого не видела. Она даже испытала лёгкую досаду. Ей начинало казаться, что она зря увела свою подругу из клуба, но потом вспомнила незнакомца и решительно повторила себе: «Я никогда не ошибаюсь».

Ася почти ничего ей не сказала по дороге к дому, хотя Саша пыталась завести разговор, чувствуя себя виноватой.

«Я не могла отдать тебя ему. Он чёртов псих».

Объяснить это Асе Саша тоже не могла. Её попытки сделать это выглядели бы надуманно и необъективно, как и ее фантазии.

Дома она долго умывалась, пытаясь смыть с тела налипший на него отпечаток города, а главное – пыльный, холодный взгляд того незнакомца из клуба. Саша попросила Асю написать ей, когда она доедет до дома, и она легла спать только когда пришло сообщение от подруги.

* * *

Саша проснулась, но некоторое время не открывала глаз, наслаждаясь утренней суетой. Её мама всегда была жаворонком. Она просыпалась раньше всех, варила кофе, наводила лёгкий порядок и проводила большую часть утра за любимой книгой или написанием научной статьи по химии. Порой с самого утра она могла упорхнуть в университет, чтобы встретиться с коллегами и друзьями. Отец зарабатывал достаточно, и ему нравилась мысль о том, что его жена способна позволить себе жить так, как ей хочется. Сам же он обожал самолёты, пилотирование, и всегда привозил с рейсов различные сувениры и интересные истории.

Саша слушала, как шипит на кухне кофеварка, как открываются и закрываются двери, как работает маленький телевизор на холодильнике.

Но вставать ей не хотелось. Она так устала, что не желала видеть никого, включая домашних.

Она всегда говорила, что ей повезло больше других. У неё есть оба родителя, и ни один из них не пьёт, не кричит на детей, оба они – устроенные в жизни, интересные люди, которые ответственно отнеслись к воспитанию своих чад. Они не были богаты, но уж точно не бедствовали. Два её брата вечно друг с другом соперничали, но всё же любили друг друга и баловали младшую сестру, потому что в раннем детстве Саша была красивым и спокойным ребёнком. Она выросла в тепличных условиях заботы и понимания.

Ей и правда повезло.

«Думаю, это потому, что я слабая. В менее пригодных условиях я бы зачахла со своим букетом психологических проблем», – размышляла она.

В дверь постучали, и Саша приподнялась на кровати. Мама отдала ей чашку с кофе и рассмеялась, увидев её лицо:

– Мученица. Я знала, что ты вернёшься до часа ночи. Как всё прошло?

– Я не подожгла ночной клуб, – хмуро ответила Саша, пожав одним плечом.

– Поразительно! Завтрак сделаешь сама, я убегаю. И, кстати, у тебя есть влажные салфетки?

– Да, сейчас дам.

– Вовчик удумал вспомнить детство и пошутил над старшим братом.

– Это не я, – раздался возмущённый голос. – Это, может, Сашка!

– А о чём речь? – удивилась она.

– Сама увидишь, когда он из ванной выйдет, – ответила мама, забирая у неё салфетки.

Саша закрыла дверь и по привычке подошла к телефону. Она заметила, что ей пришло новое сообщение.

Одно и то же сообщение пришло ей на номер телефона, в скайп и вайбер. Это же таинственное сообщение обнаружилось в «ВКонтакте». Саша открыла почту и увидела короткое послание и там. Открыв свой дневник, она заметила, что свежая запись возникла в нём ровно в три часа ночи.

Это оказалось сообщение от неизвестного – *«Ты видишь меня?: D»*

Саша в ступоре села на кровать. Она попыталась ответить на сообщение, но везде писали, что-либо такого номера или адресата не существует.

«Тот, кто прислал мне сообщение, знает все мои контакты? Откуда? Это странно для обыкновенной шутки».

Она встала, подошла к окну и задёрнула шторы. Её знобило.

«Он мог написать мне что угодно, но задал именно этот вопрос, затеял игру. Зачем? Будем исходить из фактов. Он знает меня или у нас есть общие знакомые. Он – хакер, хотя я не могу судить об уровне его квалификации. Он взломал мой личный дневник – это агрессивный жест, который заставил меня думать, что он знает обо мне всё. Если он прочёл хотя бы часть записей, то знает, чем я занимаюсь... В дневнике куча психологических портретов преступников, есть закладки и цитаты на тему психологии. Ещё там много критики существующей законодательной системы. Но всё это – ерунда. Пойдите, он задал вопрос, чтобы я создала его портрет?»

Саша снова присела на кровать.

«Если так, то он – маньяк, который решил поиграть со мной в психологическую игру. Если я составлю его портрет или как-тоотреагирую, то стану играть с ним по его правилам. А я этого не хочу».

Она сразу удалила свой майл, дневник, социальную страничку. Она удалила с телефона вайбер и скайп. У неё остался только номер телефона, но тошнотворная тревога не исчезала, а только усиливалась.

Девушка пошла на кухню. Там старший брат готовил завтрак. Он жарил на сковороде овощи. Обернувшись к Саше, спросил:

– Что с лицом?

Она взглянула на своего брата, и почувствовала, как волна ледяного ужаса от ног подступила ко лбу. Руки её задрожали. По всей видимости, на лице Саши был написан дикий страх, потому что он нахмурился и даже огляделся:

– Привидение увидела?

– Зачем ты нарисовал себе на лбу смайлик? – тихо спросила она, не отводя взора от его лица.

– А это Вовка нарисовал и не признаётся, – ответил он. – Теперь вот смыть пытаюсь, не получается. А ещё открыл в моей комнате балкон. Умник...

– Открыл окно? – всё так же тихо и безэмоционально спросила Саша. – Можно посмотреть?

– Да... смотри, сколько хочешь. Саш, что с тобой происходит?

«Мразь. Как ты посмел ворваться ко мне домой?!» – думала она. На лбу её старшего брата красовался смайлик, оставленный незнакомцем в конце каждого своего сообщения.: D.

Первым побуждением Саши было немедленно обо всём рассказать брату, но она остановила себя, стоя на пороге его комнаты и глядя в окно. Она медленно подошла к подоконнику и посмотрела вниз. Саша не имела представления о том, как он забрался на второй этаж. Там нет лестницы!

«Он забрался сюда, взял ручку и нарисовал смайлик на лбу самого сильного родственника в семье. Это – не случайный жест, а предупреждение, говорящее о его намерениях и возможностях. Он как бы предупреждает: если ты кому-то расскажешь о происходящем, то в следующий раз моя выходка приобретёт более серьёзный характер. Он не боится ни полиции, ни того, что я кому-то что-то скажу. Он знает, что полностью контролирует ситуацию».

– Саш, – брат тронул её за плечо. Она запоздало пробормотала:

– Всё нормально. Сильное де-жа-вю.

– Да уж. Ты так на меня смотрела, словно я неожиданно умер.

Она нервно усмехнулась и ничего не ответила.

«Он и ко мне мог зайти, пока я сплю».

Саша быстро вернулась в свою комнату и подошла к ещё не собранной кровати. Представила, как незнакомец стоит над ней, пока она спит. Она неторопливо подошла к своей подушке, не понимая, что делает, словно ведомая неким инстинктом. Затем она медленно подняла подушку и увидела под ней аккуратно сложенный лист бумаги. Вырванная страница из её же ежедневника была исписана всякой чепухой. Список продуктов, которые мама попросила купить, названия нескольких книг, понравившихся Саше, и название одного фильма. Затем следовала запись, которую незнакомец обвёл той же ручкой, какой сделал смайлик на лбу её брата. *«Иногда мне кажется, что демоны существуют. У них нет рогов, нет когтей и страшных, чудовищных физиономий. Но они кроются в людях – невидимые, неосязаемые. И меня тянет к ним...»*

Он обвёл эти слова ручкой не один раз, а с нажимом два раза.

Саша присела на кровать, слепо глядя на записку. В голове её не было ни единой мысли.

А потом мысли появились, они шли друг за другом, лишённые всякой эмоциональной нагрузки.

«Он должен быть сильным, ловким – он забрался на второй этаж ко мне в квартиру очень просто, словно уже делал нечто подобное. Есть вероятность, что это – тот самый парень из ночного клуба, но даже если это так, то это ни о чём не говорит. Какой ему смысл затевать со мной игру? Каков мотив подобного внимания к моей персоне? Какова цель? Он хочет напугать меня, произвести впечатление, чтобы поиздеваться. Психопаты порой так и делают просто ради

развлечения без конкретной цели. Я только не понимаю, зачем обводить именно этот абзац из моего ежедневника. Причём здесь он?»

Саша уже встала и стала нервно расхаживать по комнате. Она чувствовала себя в западне. От страха её подташнивало. Больше всего ей не хотелось, чтобы в происходящее оказалась как-то втянута семья. Она не простит себе, если хоть с кем-то из родных что-то случится.

Стоя у окна, Саша вспомнила про диалог с консьержкой, которая выглядела напуганной вчера.

Она быстро обулась и спустилась на первый этаж. Но вчерашней консьержки уже не оказалось на месте. Работала её сменщица, и она никак не могла ответить на вопросы девушки.

До самого вечера Саша не могла придумать, как ей быть.

В смятении она открыла нетбук и стала искать информацию о происшествиях в парке 850-летия Москвы, где бегала вчера. Свежая новость: «Девушка прыгнула с моста прямо на глазах у маленьких детей».

«Сама», – подчеркнула про себя Саша. Почему-то этот факт сильно её встревожил. – «Она прыгнула сама».

Затем она снова открыла папку с фотографиями и стала рассматривать почерк, хотя сообщать ей удавалось хуже, чем обычно.

«Однажды утром ты шла по своим делам. Дорога вела через мост. Ты почти прошла его, но внезапно остановилась. Потом ты посмотрела вниз, в воду. А потом прямо с сумочкой упала в реку. Зачем ты это сделала?»

* * *

На другой день Саша старалась притворяться, чтобы дома никто не понял, как ей страшно. Ей казалось, что она преуспела в этом, но мама спросила у неё за завтраком, когда оба брата уехали:

– Ты уже второй день не бегаешь. Что-то случилось?

– Маршрут надоел, – ответила Саша. – Хочу другой выбрать. Может, придётся ездить на метро.

– А мне кажется, что-то стряслось, – мама изучающе посмотрела на дочь. – Бледная ты какая-то, круги под глазами. Не хочешь поделиться?

– Нет... Не бери в голову. Всё хорошо.

– Солнышко, я уже тебе говорила, что эти твои попытки... расследований могут завести тебя в неприятную историю.

– Да, ладно, я же только конспектами занимаюсь, – она постаралась не сосредотачиваться взглядом на лице матери.

Потом Саша сказала маме, что пошла подбирать себе новый маршрут, и отправилась в свою комнату.

Ещё до того, как она села за рабочий стол, раздался звонок телефона. Девушка вздрогнула, сердце её панически заколотилось, но это была Ася. Саша, преодолев потемнение в глазах, взяла трубку.

– Привет...

Услышав её голос, она нахмурилась:

– Привет, что у тебя с голосом? Ты плакала?

– Ты проникательная, – грустно ответила Ася. – Можешь приехать?

– Конечно, уже выбегаю. Что-то случилось?

– Нет, – проронила Ася. – Мне просто очень хочется тебя видеть.

– Я скоро буду!

Она вспомнила, что не успела поинтересоваться, обменялась ли её подруга номерами телефона с парнем из клуба. Наверняка обменялась.

«Чёрт».

– А ты куда? – спросила мама, увидев, как Саша спешно обувается.

– Встретиться с Аськой хочу. Я внезапно сбежала с вечеринки, она на меня обиделась. Не очень хорошо вышло, – легко произнесла она.

Такие ситуации не являлись редкостью, поэтому мама ей поверила.

Саша махнула маме рукой и вышла в подъезд.

«Нетбук, блокнот, ножницы, шпильки, телефон... Вроде бы, ничего не забыла».

Ветер на улице обжигал её плечи холодом, Сашу знобило, несмотря на яркое, тёплое солнце. Она добежала до метро.

Ей не повезло. При переходе на нужную ветку в центре, в вагон зашло слишком много людей. Обычно Сашу спасала музыка, но теперь она почти не помогала. Люди теснились друг к другу, соприкасались плечами, игнорировали друг друга, духоту, метро, Москву и собственную жизнь. Они пытались прятать свои взгляды – смотрели в потолок, себе под ноги, в экраны телефонов, в книги, куда угодно, только не на ещё одно двуногое существо. Иногда они сталкивались взглядами, полными презрения, опаски и тупого безразличия. Кровь стучала у Саши в висках. Гнёт эмоций навалился на неё, но внезапно всё смолкло, словно вагон накрыла мгла...

Она стояла перед дверьми, потому что должна была выйти на следующей остановке, старалась смотреть на трубы в тоннеле. За спиной её расплывчатого, тусклого отражения маячил чёрный, высокий силуэт. Плечи и голову его укрывала тонкая кофта с глубоким капюшоном. Из-под кепки виднелись длинные пряди светлых волос. Она не видела его глаз, но узнала подбородок и губы. Едва она на него взглянула, как он улыбнулся. Он почти касался её.

Поезд остановился, и девушка быстро вышла из вагона, обернулась, но преследователя не обнаружила. Ни в вагоне, ни среди выходящих людей.

«Может, показалось?»

Самая примечательная часть его внешности – светлые, густые, длинные волосы. Подобная причёска почти никогда не идёт мужчинам. Нужно иметь идеальный овал лица. Ещё реже при этом встречаются тёмные ресницы и брови, как у него.

«Нет, это точно он», – подумала Саша. Она огляделась ещё раз, посмотрела на зал станции метро с высоты лестницы. Приметный незнакомец сделался невидимкой.

Саша покинула метро, но не сразу пошла к Асе.

«Каким образом с такой внешностью он умудряется быть незаметным?» – с досадой спрашивала себя она.

Постоянно оглядываясь, точно параноик, она дошла до дома подруги. Ее мучило отвратительное предчувствие, словно она против собственного желания играет по его правилам.

Лицо Аси было опухшим от слёз, на руках виднелись продольные неглубокие царапины, невымытые волосы были небрежно схвачены сзади в пучок. От неё пахло вином. Она впустила Сашу на порог, не улыбнувшись и не поприветствовав её.

– Родители где? – спросила Саша.

– Я же тебе говорила, они в отпуске оба, – ответила Ася. Она села на табуретку, подогнув под себя одну ногу. На кухне чисто, на столе бутылка вина и ваза со слегка подсохшим сыром. Ася криво усмехнулась:

– Хотела бы я быть, как ты, Сашка! Ты всех вокруг видишь, всю их подноготную. Я раньше думала, это, наверное, очень трудно с таким бременем жить. Но лучше жить с ним, чем постоянно получать удары, – она резко отмахнулась, словно отвечая на реплику невидимого собеседника: – Нет, я, конечно, сама виновата. На внешность купилась, как дура.

Саша медленно села перед ней на стул и заглянув Асе в лицо спросила:

– Что он тебе сделал?

Подруга ответила ей улыбкой, в которой смутно угадывалась прежняя-Ася:

– А как ты поняла, кто он такой? Были какие-то признаки?

– Мимика, язык тела, – вяло перечислила Саша. – Такие люди сами себя выдают.

– Мы с ним вчера встретились, он мне свой телефон дал. Я сама ему написала, – она снова рассмеялась.

Саша посмотрела на её руки:

– Это он сделал?

– А? Нет, ты что, – странная улыбка не сходила с её губ. – Это я сама.

– Сама? Что с тобой стряслось?

Она посмотрела на Сашу, и на глазах её появились слёзы, жутко смотревшиеся в сочетании с улыбкой:

– Ничего.

Саша опешила, пытаясь понять, что ей сказать.

– Я не вру. Он. Ничего. Мне не сделал, – Ася выговорила каждое слово, словно вбивала в лыдину колья: – Он. И пальцем. Меня. Не коснулся. И ни к чему меня не принуждал. Он не сказал мне ничего плохого. Ни разу не оскорбил.

Ася наблюдала за реакцией растерянной Саши несколько мгновений.

– Это всё я сама. Я позвала его гулять вчера утром. Он согласился. Мы шатались по парку Горького, ели мороженое. Я много говорила, он слушал меня внимательно, задавал вопросы, рассказывал немного о том, что ему интересно в области философии. Он там же, где и ты учишься, представляешь? – она взглянула на Сашу и монотонно продолжила: – Я была, как оглушённая. Ничего вокруг не видела, кроме него. Сашка, он просто нереально красивый, глаз не оторвать! И он был вежлив, не пытался выпендриваться, говорил немного, не пытался произвести впечатление. Спрашивал о моём детстве, о моих воспоминаниях... Короче, я позвала его к себе. Жарко становилось.

– Это была твоя идея – к тебе пойти?

Ася кивнула:

– Он хотел посидеть в кофейне, но я... не комфортно начинала себя чувствовать с ним на людях. Понимаешь, я с ним на такие темы говорила, на которые разве что, с тобой могу. Как, блин, со священником! Не знаю, что на меня нашло, но я говорила, говорила, говорила... А он слушал и иногда задавал вопросы. В общем, мне захотелось тишины, и я повела его к себе, – она взяла свой бокал и допила остатки вина. – Хотя, была ещё причина, – Ася покраснела, – Я хотела его. Я, если честно, вообще, впервые тогда поняла, что такое – хотеть кого-то.

– Он не мог тебе ничего подсыпать?

– Я думала об этом. Но я пила только воду, ела мороженое, и всё время это было у меня в руках. Он бы не успел ничего сделать и, вообще, не брал ничего у меня из рук, – ответила Ася. – Нет. Это я всё сама. Я привела его домой. Мы какое-то время разговаривали, сидели на диване, я показывала ему фотки со школы, он с интересом их рассматривал. А потом я предложила сыграть в карты. На раздевание.

Саша закрыла лицо руками.

Ася продолжила:

– Да. Сейчас я понимаю, это на меня не похоже. И, вообще, я не я была. Иногда создавалось впечатление, что я просто отпустила ситуацию и смотрела на себя со стороны. Я классно играю в карты и не собиралась раздеваться, конечно. Но он играл намного лучше меня, – она посмотрела Саше в глаза. – Так вот... Мы играем, разговариваем, я начинаю волноваться, а он – совершенно спокоен. Мы говорили о всякой чепухе. Я продолжала раздеваться и не могла остановить себя, хотя мне не нравилось, что происходит, – она задрожала. – Он не обращал на это никакого внимания, продолжал со мной говорить, рассматривал меня. Станный у него был взгляд. Он рассматривал меня всю, нисколько не смущаясь, но... ему словно становилось

скучно! Он смотрел на меня, и я понимала, что он замечает во мне каждый недостаток, видит все мои желания. И ему это дико не интересно – он показывал это всем своим видом. Взгляд у него постепенно сделался холодным и отстранённым. Потом, когда я была совсем голой, он посмотрел в свой телефон и сказал, что ему пора уходить, – Ася смотрела в сторону, сжав руки в кулачки и беспомощно ссутулившись. – Он должен встретить в аэропорту свою девушку, – она сделала паузу и посмотрела себе на руки, – которая прилетела из Милана. Он должен торопиться, потому что соскучился по ней. И он ушёл. Я осталась сидеть на полу. Было холодно. Я очнулась не сразу, но у меня было такое чувство, что что-то... отпустило меня, как только он ушёл. Мне казалось, что меня использовали. Словно изнасиловали, душу из меня вытрясли. Не знаю, сколько я так сидела, но единственная мысль, которая билась в моей голове, была о том, что я – ничтожество, шлюха последняя, и этот случай был мне нужен, чтобы это показать.

Саша закрыла глаза и прошептала с чувством, в ярости сжав кулаки:

– Какая же он мразь!

Ася посмотрела на неё спокойно:

– Почему? Он ничего мне не обещал. О девушке я его не спрашивала. Он вёл себя безупречно. Сейчас вот думаю, может, я... правда шлюха?

– Он хочет, чтобы ты так думала! – сказала Саша, взяв Асю за руки. Они были ледяными. – Это же манипуляция. Банальная, отвратительная манипуляция! Парни так с девушками на одну ночь знакомятся, чтобы снять с себя все обязательства. Это – насилие, которое невозможно доказать на суде. Они говорят, что вытаскивают подсознательные желания девушек и воплощают их в реальность. Только никто из них не интересуется у девушки, хочет ли она сама позволить своим желаниям воплотиться. Конечно, у тебя было желание близости. Это нормально, ты влюбилась в него с первого взгляда! Но ты не из тех, кто запросто, не подумав, бросится выполнять подобное. Однако с помощью манипуляции тобой можно управлять, и твои желания становятся твоими врагами. Потом тебе будет плохо, потом тебе будет больно, но винить ты будешь себя, хотя настоящий негодяй, который контролировал происходящее, совестью мучиться не станет.

Ася слушала её, не перебивая. Когда Саша закончила, она посмотрела себе под ноги:

– Но зачем ему потребовалось тратить на меня время? За что он хотел меня унижить? Что я ему сделала?

«Ты неправильно задаёшь вопрос, опять переводя причину случившегося на себя», – раздражённо подумала Саша, а потом вздохнула:

– Просто так.

Ася недоумённо нахмурилась:

– Так не бывает.

– Психопата его типа отличает от любого другого человека одна вещь. Любому человеку требуется повод, чтобы причинить кому-то боль. Любой повод, даже надуманный, лживый. Ему – повод не нужен. У него нет совести и эмпатии. Он сделал это с тобой, потому что просто мог. Ему захотелось, у него было время на это, так почему бы нет? Психопаты, вроде него, мучают в детстве животных, представляя порой на их месте людей. Это они играют, как бы подсознательно репетируют. Иногда они вырастают убийцами, хотя чаще всего учатся держать себя в руках и выплёскивать свои особенности более продуктивным образом.

Ася посмотрела на Сашу недоверчиво. Помолчав, она стала вспоминать вчерашний день.

– Я думала, таких не существует в природе. Только в кино.

– Именно таких, как он, очень мало. А вообще садистов очень и очень много. И классификация у них огромная.

– Нет, мне просто не верится, если честно. В голове не укладывается.

– Психопаты не все такие. Большинство из них – нормальные люди, хотя и очень неприятные для таких, как я.

– А он и убить меня мог? – испугалась Ася.

Саша вспомнила смайлик на лбу своего брата. «Мне нельзя выдавать его. Никому».

– Нет, я так не думаю, – поспешно сказала она. – Слушай, он обо мне ничего не спрашивал?

– Не спрашивал. А вы знакомы?

Саша покачала головой:

– Просто на всякий случай интересуюсь.

Ася сказала, подумав:

– Но он о тебе кое-что знает. Я же ему говорила о своих родственниках и всех, кто мне дорог. Он знает, что ты очень проницательная, и что тебе можно верить. Я рассказала ему, как ты защищала меня в школе. И всё. О моих родителях и нашей классной он знает гораздо больше. Пусть подавится... – она налила себе вина и сделала глоток. Затем посмотрела на Сашу с некоторым сомнением: – Слушай, а ты можешь на ночь у меня сегодня остаться?

– Конечно, – кивнула Саша, – останусь. И завтра могу остаться. И, вообще, я готова пить твоё вино все каникулы!

Ася улыбнулась:

– Вот и прекрасно.

Саше удалось её успокоить. К вечеру её подруга уже практически пришла в себя. Они смотрели то, что всегда садились смотреть вместе, когда обеим становилось грустно. Это были все сезоны знаменитого мультсериала «Том и Джерри». Обе девушки вспоминали своё совместное детство, школу и дурачились так, словно им снова по двенадцать лет.

Ася была лёгкой девушкой, сильной и отходчивой, Саше не пришлось много стараться. «Этот шрам заживёт, – думала она, – уж я позабочусь. И следа этого типа не останется в твоём сердце».

Когда её подруга уснула, Саша поняла, что сама заснуть не может. В бессильной злости она пыталась понять, что может противопоставить такому человеку, как её преследователь.

Когда Саша смирилась с тем, что уснуть ей не удастся, то вытащила тихонько из рюкзака свой нетбук. Открыв браузер, она нашла страничку «Вконтакте» погибшей девушки. Её звали Марина. Страничка была почти пустой, фотографий там было мало, о родственниках никаких упоминаний Саша не нашла. Глядя на единственное, плохо сделанное фото, она анализировала: «Она одинока, что-то заставило её перегореть к жизни. Взгляд странный, словно она выпила какой-то седативный препарат или спит наяву. Пишет с ошибками, порой начинает предложения с маленькой буквы... Но она не собиралась умирать. Под одной картинкой в её альбоме отметилась её подруга, ей Марина пообещала сюрприз на её день рождения. Но он должен был состояться только через месяц, если верить дате... То есть, она участвовала в каком-то религиозном сообществе, давала людям обещания. А потом просто прыгнула в воду. Почему?»

Тут Саша вспомнила слова Аси о том, что тот тип даже ни разу не коснулся её. Существует тонкий вид принуждения, манипуляция, заметная лишь профессионалу. «Кто-то мог заставить тебя? Не обязательно, конечно, я просто не хочу исключать такую вероятность».

Она закрыла глаза и ярко представила себе солнечное утро одиннадцатого мая. «Ты идёшь из дома к метро, пересекаешь Братеевский мост. Бумаг и вещей у тебя с собой много, как и дел в этот день. Что-то происходит, ты останавливаешься. Ты уже почти перешла мост, но что-то заставило тебя остановиться. Потом ты смотришь в воду... Почему ты прыгнула? Что стало спусковым крючком?»

Вздвигнув всем телом, Саша посмотрела в свой телефон. Сообщение от неизвестного номера.

«Время на раздумья истекло. Ты должна была понять, кто я. Теперь выходи из квартиры, нам пора встретиться, Александра».

Саша села на кровати и начала собираться. Она действовала удивительно спокойно и хладнокровно. Теперь, когда никто не угрожал её подруге или семье, от неё требовался лишь ряд элементарных механических действий.

В рюкзак она сложила свой нетбук, приготовила диктофон на телефоне, положила в задний карман брюк острые ножницы для стрижки волос, спицу вставила в носок под штанину. Ей очень хотелось предупредить хоть кого-то, но она уже убедилась в мастерстве своего преследователя и понимала, что тем самым подвергнет своих близких опасности.

Ей не пришло в голову обратиться в полицию. Как и многие, она не доверяла правоохранительным органам и откровенно их боялась. Полицейская форма ассоциировалась у неё с людьми, несправедливо посаженными в тюрьму, с пытками и насилием. Умом она понимала, что далеко не все полицейские таковы, но, если есть вероятность нарваться на неадекватных, бессовестных садистов, на стороне которых сам закон, лучше не рисковать.

Поэтому никогда она не чувствовала себя защищённой. Поэтому она приготовила диктофон для записи и включила его, как только покинула квартиру. Если случится что-то экстраординарное, то аудиозапись на суде поможет доказать, что её действия были продиктованы самозащитой. Саша прекрасно знала, что перцовые баллончики и электрошокеры не помогают. Перцовым баллончиком нужно ещё умудриться попасть в лицо, а Саша постоянно нервничает, у неё вечно дрожат руки. Все виды разрешенных электрошокеров, в свою очередь, очень слабые, нужно исхитриться попасть таким прибором в обнажённый участок тела на шее, что для неё снова оказалось проблематичным.

Она могла рассчитывать только на себя и на то, что под руку попадётся, как в древние времена, когда еще не было законов. И их, по сути, и сегодня нет. В серьёзных ситуациях, когда твоей жизни угрожает опасность, ни конституция, ни статьи, ни наказания не играют роли, они становятся лишь буквами, написанными кем-то и где-то. В итоге остаешься ты со своим врагом, и только борьба за жизнь решит исход дела, во время которой хладнокровие сохранит самый тренированный человек или человек с невероятно крепкой нервной системой. Но люди – не солдаты. И Саша не была солдатом.

Она вышла из подъезда. Очень свежо пахло жасмином, на небе сиял круглобкий месяц. В полной тишине шумел тёплый ветер.

Саша увидела его в конце двора у проезжей части – высокая тёмная тень. На голове кепка и капюшон тонкой чёрной кофты. За спиной рюкзак на одной лямке. Незнакомец стоял, засунув руки в карманы. Хотя Саша не могла видеть его глаз, она чувствовала взгляд, нацеленный на неё. Если бы она могла сравнивать, не стыдясь пафоса, то сказала бы, что так на себе чувствуют указание рока.

Саша пошла к нему – вся напряжённая и зажата, как перетянутая струна. Шаг за шагом, она неторопливо шла к чёрной, высокой тени у дороги. Ей казалось, что эта тень накрыла собой мир. И она находится в самом его центре.

Когда она остановилась, сделав последний шаг, между ними оставалось чуть больше метра. Теперь Саша очень ясно видела его лицо. Самое яркое в его внешности – жёлтые глаза. На самом деле они были просто светло-каримы, но подобный оттенок встречается очень редко. Взгляд пронзительный из-за неподвижных, небольших зрачков. Он не выражал вообще ничего, будто вместо души у незнакомца была бетонная стена.

– Меня зовут Кристиан.

– У меня нет ни малейшего желания с тобой знакомиться, – мрачно произнесла Саша.

– Разве? Мне показалось, ты искала меня.

Она нахмурилась, смерив его взглядом, в котором читались сомнения насчёт здравости его рассудка:

– Я тебя не искала. Я пришла сказать тебе оставить меня и мою семью в покое. Я не хочу играть с тобой... или что ты там затеял.

– Ты искала демонов, тянулась к ним, а теперь отталкиваешь то, что сама притягивала к себе. Какое предсказуемое лицемерие! Ты ведь уже ответила на вопрос? Сможешь сказать, кто я?

– Допустим, я скажу тебе. И что дальше?

– Ответь, – мягко сказал Кристиан. В этой мягкости таилась угроза, едва заметная постороннему. Саша поняла, что повторять свою просьбу он не станет. Ей не хотелось играть по его правилам, но пока она была на свободе, можно было повернуть ситуацию так, что она бы разрешилась.

Саша внимательно посмотрела в лицо Кристиана.

– Ты – психопат. Но так как психопаты бывают разными, я должна пояснить. Ты полностью лишён способности сопереживать и не способен поставить себя на месте другого существа, – она нервничала и внимательно наблюдая за его реакцией. – Для тебя нет разницы в понятиях между «одушевлённый» и «неодушевлённый». При этом ты относишься к тому типу людей, которые не умеют лгать. Точнее, они не умеют использовать мимику и голос для притворства. Это случается редко. Похоже на алекситимию, хотя я не уверена. Помимо прочего, у тебя очень бедный эмоциональный диапазон. Ты способен испытывать только спектр эмоций, доступный животным. Ты испытываешь гнев, раздражение, интерес, но тебя почти невозможно напугать. Ты – клинический садист. Тебе нравится причинять боль и страдания тем, кто находится в твоей власти. У тебя высокий уровень самоконтроля, ты – умный и прекрасно понимаешь, чего хочешь. Тебе скучно в этом мире, ты считаешь его уродливым. Ты очень одинок. Во всём мире нет ни одного человека, который мог бы понять тебя, но тебя это не волнует. Ты не ждёшь понимания, и твоё одиночество тебе нравится. А ещё ты, как и любой интеллектуальный психопат, любишь эксперименты на людях.

– Зачем мне потребовалось унижать твою подругу? – тихо спросил Кристиан. По его лицу было невозможно прочесть, что он думает насчёт услышанного анализа.

Саша хмуро ответила:

– У тебя не было такой цели. Теперь я это понимаю. Такие игры тебе не интересны, потому что Ася – слабый противник. И победа над такой, как она, для тебя ничего не значит. Но тебе хотелось узнать меня получше. А ещё показать мне, что иногда люди без внешнего давления совершают странные поступки.

– Например, внезапно бросаются с моста в воду, – тихо дополнил Кристиан.

Саша прошептала:

– Это ты заставил её прыгнуть?

Потом, увидев, как в презрительной улыбке изогнулись его губы, нахмурилась:

– Нет? Но тогда кто?

Он чуть сощурился, глядя в её лицо:

– Тебе интересно?

– Я бы хотела найти ответ на этот вопрос без тебя. Кристиан, словно не услышав ее, сказал:

– Поговорим на ходу.

Саша вынужденно пошла с ним по улице, в любой момент готовясь бежать. Она оглядывалась по сторонам, подмечая камеры у магазинов и на фонарях.

– Я оставила записку о том, с кем ухажу. Если со мной что-то случится...

– Ты не оставила такой записки, – пробормотал Кристиан небрежно. – Ты же не дура.

Саша проглотила ком в горле и ничего не ответила.

«Нельзя убегать. Если убегу, конец и мне и тем, кто мне дорог».

– Расскажи, что ты думаешь насчёт Марины? – спросил Кристиан. – Почему она прыгнула с моста?

– Не знаю, – призналась Саша. – Но триггером является или человек, или какое-то тяжёлое воспоминание. Это похоже на выполнение команды, которая была запрограммирована под гипнозом.

– Примерно год назад она попала в психиатрическую клинику. А всего через месяц пропала. Нашли её пару месяцев назад, полностью утратившей память о своей жизни. Позавчера она выбросилась в реку, – внезапно рассказал Кристиан.

Саша не знала, что на это ответить.

– Я всё перепробовал, но у меня не выходит узнать его имя, – пробормотал он себе под нос. – Никак не выходит. Мне потребуются твои глаза, Александра. Предыдущая попытка провалилась, потому что я слишком много откровенничал, так что я не дам тебе опорной информации. Тебе следует помнить только одно – не смей никому говорить о том, что знаешь меня или видела. Если скажешь хоть кому-то – умрёшь.

– Я никому не скажу, – поспешно ответила Саша, обрадованная таким поворотом разговора. – По всей видимости, тебя тоже... заинтересовало то самоубийство.

– Скажи, Александра, как быстро тебе удалось понять, кто я?

– Сразу, как пригляделась. В клубе.

В глазах его вспыхнули два огонька удовольствия, он улыбнулся.

– Никто не знает о том, что я – психопат. Ни один человек среди моих знакомых.

– Люди не слишком внимательны, – пожалала плечами она.

– Я хочу, чтобы ты выжила, Александра, – пробормотал он, едва ли её слыша. – Мне бы это очень понравилось, понимаешь? Это ведь так красиво, если подумать: ты искала меня, а я искал тебя.

Она неуверенно пробормотала, вжав голову в плечи:

– Я тебя не понимаю.

– Ты искала демона, который сам искал тебя. Ты не находишь это симметричным? – спросил он, глядя в небо. – Разумеется, нет.

– Я тебя не искала. Мне просто нравится профайлинг.

– Просто так?

– Просто так.

Он остановился и заглянул ей в лицо:

– Тогда ты умрёшь. Нет ничего более смертельного, чем отсутствие смысла. Если твоё любопытство и твои вопросы лишены первопричины, то лишена первопричины и твоя жизнь, ибо жизнь – один огромный вопрос. Если в ней нет осмысленности, ты обязательно умрёшь. Но только ты лжёшь мне, – добавил он мягко и посмотрел на кулон у неё на шее. – Ты искала меня, Александра.

Всё произошло затем очень быстро. Только что она видела перед собой улицу, Кристиана, огни фонарей, а затем откуда-то из-под земли на рассудок её набросили одеяло мглы, и она потеряла сознание. Перед этим что-то острое вонзилось ей в шею, парализуя тело.

* * *

– Ваше имя.

Саша подняла голову и увидела женщину. Было утро, в больничные окна, закрытые простой, почти тюремной решёткой, струился мягкий свет летнего солнца.

«Я не вернулась домой... Мама, должно быть, в панике».

– Мне нужен телефон, – пролепетала она.

– Скажите ваше имя, – повторила врач терпеливо, глядя на Сашу сверху. – Не можете?

– Почему я здесь нахожусь? Я в больнице? Но со мной всё в порядке...

– Вы не можете сказать своё имя, верно? Или вы не слышите вопрос?

– Меня зовут Мешерева Александра Владимировна, – со вздохом ответила Саша, оглядываясь. Она с удивлением обнаружила у себя за спиной двух врачей. Один из них что-то записывал в телефон.

– Так, – вздохнула Саша. – Вы заведующий? С кем тут нужно поговорить, чтобы мне внятно объяснили, что происходит?

Вероятно, то, что вколол ей Кристиан, ещё действовало, иначе Саша вела бы себя менее адекватно.

– Вы находитесь в психиатрическом диспансере, – ответила врач. – Вас привезли сюда, потому что у вас случился приступ острого шизофренического психоза. Не отвлекайтесь, пожалуйста, и отвечайте на мои вопросы, хорошо? Дату своего рождения помните?

Саша попробовала улыбнуться, потому что происходящее напоминало идиотскую шутку. Она огляделась, тихо вымолвила:

– Тридцатое декабря тысяча девятьсот девяносто третьего года. Мне ещё нет восемнадцати, вы не можете здесь меня удерживать без согласия моих родителей, а я уверена, что они его не давали.

– Тем не менее, вы здесь с согласия родителей. Врач пока настаивает на том, что вам не следует видаться после того, что вы натворили.

Голова Саши кружилась, она спросила пересохшими губами:

– И что же я натворила?

Саша смотрела на то, как солнечные блики играют на полированной поверхности стола. Эти лучи, весело пляшущие перед ее глазами, как манящий привет из прежней жизни, заставил ее ощутить ноющую в сердце тоску.

– Вы напали на собственного старшего брата вчера ночью. Какое сегодня число?

Саша округлила глаза:

– Это неправда...

– Вам лучше отвечать на вопросы. Какое сегодня число?

– Четырнадцатое.

– Чего четырнадцатое? – врач смотрела на нее практически стеклянным взглядом, и девушка почувствовала себя неудобно:

– Мая, конечно. А вы не помните?

Ей не ответили.

– В каком городе вы родились? – последовал вопрос.

– В Санкт-Петербурге.

– А сейчас в каком находитесь?

– В Москве... – она поняла, что это стандартные проверки на адекватность.

– Сколько пальцев показываю?

– Ни одного.

– Какого цвета обои?

– Тут нет обоев. Тут выкрашенные в бирюзовый цвет стены.

– Это голубой.

– Как скажете.

– Ты слишком взрослая для детского отделения. Да и оно сейчас – на ремонте, так что временно будешь находиться во взрослом, – сказала врач.

– Иди за санитарями, переоденешься, дашь себя осмотреть и отправишься в палату. И всё будет хорошо, если ты будешь правильно себя вести.

– Мне нужно поговорить с мамой.

– Твой врач этого не рекомендовал. Должно пройти время. Он сам тебе всё расскажет.

– Когда?

– Когда нужно будет. Иди за санитарями, – нахмурилась врач. Санитары хотели взять Сашу под руки, но она резко дёрнулась:

– Я сама пойду, всё нормально.

Страх становился сильнее. Социофобия – заболевание сложное. Саша дрожала, как в ознобе. Она знала, что таблеток у неё больше нет. В нынешних условиях паническая атака придёт совсем скоро. Люди вокруг – безумцы, врачи – все казались ей врагами. Солнечный свет отчаянно пытался проникнуть в это мёртвое место, но беспомощно застревал на пыльных окнах. В помещении было холодно.

Сашу заставили раздеться догола при санитарях. Кровь стучала в её голове, как в алый, раскалённый колокол, во рту был привкус соли, а в горле пересохло. Она видела всё вокруг, как в туманной, тёмной пелене.

«Дом совсем близко... и я так далеко от него. Кристиан. Я ненавижу тебя. Я ненавижу тебя! Ненавижу! Если я выберусь отсюда, то чего бы мне это ни стоило, я убью тебя собственными руками!»

Ее осмотрели, затем выдали одежду большего размера и старые тапки с дырками на носках.

Чувствуя себя обезличенной и уничтоженной, Саша брела за медсестрой по коридору. Вид у неё был такой затравленный и несчастный, что женщина, которая давно тут работала, сжалась над ней и тихонько шепнула:

– Ты не бойся. Просто делай то, что тебе говорят, и никаких проблем не будет.

– Можно мне хотя бы ручку шариковую себе оставить?

– Зачем? – спросила санитарка строго.

– Хочу записывать то, что со мной происходит.

– Потерпишь. Мало ли, для чего ты еще эту ручку используешь.

– А крестик мой почему не вернёте?

– Извини, не положено. Тем более, что он сатанинский, – она вновь строго посмотрела на Сашу.

Александра терпеливо вздохнула:

– Он не сатанинский. Это... египетский анкх, – она поняла, что объяснять этой женщине значение древнеегипетских символов совершенно бессмысленно. – В общем, обещаю, что я его не съем и не попытаюсь использовать в качестве давилки для глаз.

«Как бы сильно мне не хотелось».

– Не положено, говорю же, – уже спокойнее ответила медсестра. – Будешь выписываться, вернут тебе твой кулон. А то можешь в нос запихать или в ухо.

– Если я не ошибаюсь, вы медик, – глядя на ее халат, медленно и саркастично произнесла Саша.

– Я медсестра, и что?

– Поразительно, но это предполагает наличие образования. То есть, вы должны уметь отличать человека, который глотает крестики, от человека, который просто носит их на шее. Если вы этого не умеете и думаете, что я проглочу, то странно, как вы идете рядом со мной по коридору. Вдруг я вас укушу? И как же вы, бедная, живете среди остальных людей? Откуда вы знаете, что они – точно нормальные? Наверняка же кругом – одни психи. Небось, живёте с этой мыслью постоянно. Хотя, люди не психи. Они просто разные, и вы не способны это принять.

Конечно, Саша была зла, но она напрасно доводила медсестру и поплатилась за это тем, что ей долго не давали постельное белье. Впрочем, ей не разрешали сидеть и лежать по причинам, которые ей не удалось узнать. Чуть позже медсестра орала на нее, что она может заразить стулья герпесом, если сядет на них. На мгновение девушка поняла – это именно она сейчас в белом халате, и перед ней явно очень больной человек. Она хотела сказать, что таким способом

– через стулья – герпес не передается, даже если он у неё и есть, но решила этого не делать, чтобы не повергать женщину в шок.

Теперь Александра ждала самого страшного. Таблетки. Она была приятно поражена, когда поняла, что тяжелые лекарства ей не дают. Глицин, феназепам по полтаблетки в день перед сном и ещё что-то потяжелее.

Только к концу утомительно тянувшегося дня она смогла осознать произошедшее и задаться вопросом, как долго это будет с ней происходить.

«Он не убил меня и не покалечил. Он отправил меня сюда. Сказал, что я должна быть внимательна... Всё происходящее – снова игра. Если так, то я не могу оставаться здесь долго».

Она ошибалась. Когда слетит последняя листва с деревьев, когда Саша привыкнет к стонам и воплям больных, когда она онемееет от постоянного шока и запущенной социофобии, когда прядь её волос поседеет от напряжения и ужаса, а взгляд сделается диким, как у зверя, когда у неё не останется ничего, кроме остервенелого желания отомстить или умереть... она поймёт, что-либо сбежит, либо останется здесь навек. Кристиан не играл с ней, а просто зачем-то оставил её здесь. Возможно, он задумал так с самого начала, а может, просто забыл про неё.

Ночами – долгими, бессонными, наполненными ужасами, – она думала о своей семье и об Асе. С помощью Аси кто-нибудь мог бы найти её и этого психопата. «Если Ася жива. И если меня действительно ищут».

Бедная Саша не знала, что её почти не искали. Она не знала, что Ася встретила с Кристианом в третий раз, и с тех самых пор всячески отрицала, что вообще когда-либо была с ним знакома. Она сказала полиции, что Саша ушла из её дома к вечеру. Она не сказала ни о ночёвке, ни о своём недоумении, о страхе, когда не нашла подруги у себя в квартире.

Сначала Саша ждала посетителей. Потом она просто надеялась получить от них хотя бы звонок. Потом она перестала ждать. Под конец Саша решила бежать любой ценой. Гнев, обида, отчаяние и ужас копились в ней долго, пока, наконец, не достигли своего предела.

К тому времени Саша переменялась характером. Она видела насилие, корежащую рассудок нелогичность происходящего, абсурд, быдловатость врачей, несправедливость, смерть и непреходящее безумие. Из тепличных условий своей тихой и мирной жизни она окунулась в ад и очень быстро сломалась, как часто бывает с ранимыми людьми.

* * *

Среди прохожих, словно сквозь чашу плотного леса, по Арбату стремительно шла высокая тень. Мир в её восприятии заглушали большие, качественные наушники, в которых звучала Пауля Калкбрэннера. Трек «Square 1» сопровождал Кристиана Фишера до поворота, за которым можно было увидеть сигнальную ленту, полицейскую машину, катафалк из судебного морга и людей с угрюмыми выражениями лиц, по которым всем было ясно, что случилась беда.

По-прежнему не сбавляя решительного шага и не выключая музыки, Кристиан прошел мимо полицейских в тесное помещение двухэтажного хостела, снял на ходу верхнюю одежду, сложил ее на диванчике в приемной и, по-прежнему оглушаемый легким ритмом музыки, вошел в эпицентр локальной катастрофы и человеческого горя, словно любопытствующий турист в музее.

Тело сорокалетнего мужчины зимним, морозным утром нашли работники хостела в недорогой, съемной комнате.

Объект буквально распят и обездвижен, сидя на кровати в следующей позе: рот заткнут клеем и липкой лентой, руки раскинуты крестом и привязаны к металлической спинке. Ноги разведены в шпагат. Как следствие – порваны связки в области паха. Лодыжки привязаны к ножкам кровати бельевой веревкой. На лице маркером начерканы слезы, этот

рисунок реально напоминает слезы, стекавшие ранее по щекам убитого. Улыбка изображена довольно небрежно. Перед телом поставлено зеркало. У жертвы отсутствуют гениталии – изъяты без наркоза.

Помещение пропахло гнилью и нечищенной скотобойней. Медицинский эксперт, инспектор, впервые вызванный на труп, оперуполномоченный дознаватель и еще парочка людей топтались тут, окончательно уничтожая некую мифологическую святость смерти. Кому, как не им было знать, что у смерти святости нет.

Кристиан медленно и дотошно, по-стариковски заложив руки за спину, оглядел помещение, будто оно являлось символическим натюрмортом. Молодой человек зачем-то выглянул за окно, обратил внимание на телефон убитого и приблизил к нему лицо, не прикасаясь и не потревожив желтую, пластиковую карточку с восьмым номером. Наконец, он сдвинул свои наушники с головы на шею.

– Вы ищете мстителя, – голос Кристиана был негромким, но на него сразу обратили внимание. – У жертвы имелось с ним недавнее знакомство. Она загримировалась под ночного мотылька. Амбидекстр. Эксперт подтвердит, что у убийцы тридцать девятый размер ноги, отпечатков вы не найдете.

В полном молчании Вера поправила свои рыжие волосы – густые, непослушные, вьющиеся локоны нахально и упорно выбивались из-под шапочки. Она единственная решилась прервать тишину, в которой никто не заговаривал с Фишером.

– Почему амбидекстр?

Ненавижу объяснять. Чувствовать, как безжалостно тонет драгоценное время, смысл, истина.

Но им необходимы именно слова.

Кристиан пробормотал:

– Узлы на лодыжках завязаны правой рукой – очень туго, умело, но синяки на шее оставлены сильной и уверенной левой. То есть, убийца одинаково хорошо владеет двумя руками. Убитый мужчина перед смертью сам снял одежду, сел на кровать, позволил связать себе руки и заткнуть рот кляпом – такое возможно, если он предполагал сексуальную игру с женщиной.

– Или ему угрожали оружием, – встряла Вера.

– Перестань пытаться думать логически, тебя это не красит, – процедил Кристиан. – Если он не сопротивлялся из-за нацеленного на него оружия, то почему стал сопротивляться, когда она развела его ноги в шпагат? Причём, активно сопротивлялся, уж ты-то могла заметить!

Щёки Веры стали пунцовыми от гнева, но она решила не давать Кристиану удовольствия видеть её эмоции. Кристиан продолжил:

– Чтобы он не выплюнул тряпку, сверху её заклеили скотчем. Ах, да... – он подошёл к столу, в центре которого лежал телефон убитого. – Изучите послание, которое нам тут наверняка оставила преступница. У меня есть предположение, что она больше не хочет убивать. Если убийство и случится ещё раз, то очень нескоро. Требуется время... – он всё еще смотрел на телефон, – требуется время на перезарядку.

– Ты не прав, Крис, – Вера решила озвучивать всеобщее мнение. – Преступление совершено аккуратно, хладнокровно, талантливо и с предельной жестокостью. Девица получала удовольствие от процесса.

Кристиан прервал ее, уже выходя в коридор:

– Не знаю насчёт удовольствия, но человеческая нервная система не способна на пролонгированные сильные реакции такого типа, как это преступление. Она всё продумала, до мелочей, но убийство совершено эмоционально. Такое даётся очень нелегко. Здесь она явно

выплеснула ярость огромной силы, которая копилась в ней, наверное, месяцы, – Кристиан подошёл к окну. – Даже если она и убьёт вновь, на это нужен очень серьёзный повод и большое количество времени на подготовку – она очень осторожна. Это окно было открыто изначально, когда нашли тело?

– Да, – пожалала плечами Вера.

– Почему? Убийца вошла и вышла через дверь. Посторонних следов на подоконнике нет, – Кристиан нахмурился, рассматривая окно. – Ни единого. Мне это не нравится. Я напишу Диме о том, что думаю.

Он развернулся и, не прощаясь, собрался выходить из хостела.

Кристиан услышал вслед:

– Мне сказать Диме, что ты взялся за заказ?

– Пришли материалы на почту, – не оборачиваясь, бросил он. – Я совершил серьёзную ошибку, но пока не понял, где, конкретно.

Уже когда он был у машины, Вера догнала его.

– Ты сегодня опять едешь за город?

– Мне не нравится твоя внимательность, – пробормотал он, взглянув на девушку.

– Каждое двадцать первое февраля уезжаешь. Кстати, спасибо, что выставил меня душой!

– Я много раз просил тебя не требовать от меня объяснений моим выводам. Я не люблю пояснять, – скороговоркой ответил Кристиан. – В этом нет смысла. Общайся с Димой, у него дедукция лучше развита, и он обожает её щеголять.

– Понятно-понятно. Я просто хотела убедиться, что ты уезжаешь. Мы планируем пирушку на двадцать третье число.

– Давай без меня.

– В принципе, это даже хорошо, – пробормотала Вера. – У тебя телефон звонит.

Кристиан взял трубку, глядя вслед патологоанатому.

– Ей удалось сбежать, – голос в телефоне звучал напряженно. – Должна направляться в сторону Москвы по дороге...

– Я понял, – отрезал Кристиан. – Спасибо. На этом наше сотрудничество заканчивается. Я переведу остаток суммы на ваш счёт.

* * *

К семи часам вечера тьма, разбавленная снегом, принимала в ледяные объятия машину Фишера. Из динамиков доносилась музыка, на любого другого производившая резко негативное впечатление. Этот трек группы Alien Vampires был чудовищен не только по композиции и стилю, но и по смысловой нагрузке. Вереща и грохоча в минорной лихорадке ярости, он встряхивал пространство, как грязную тряпку, и вызывал головную боль.

Кристиан слушал без видимого неудовольствия, но и, не выказывая того, что мелодия ему нравилась.

В моменты особенно пронзительных звуков в композиции, он с силой вдавил стопу в педаль тормоза, поворачивая машину к обочине. Послушно сделав скользящее, круговое движение, авто остановилось, слегка накренившись к канаве. Кристиан выключил колонки.

Фары внезапно полоснули монохромным светом по мгле, из которой призраком вынырнул длинный силуэт темноволосой девушки – копии Самары из нашумевшего фильма ужасов. Кристиан успел увидеть в широко раскрытых, светлых глазах, отразившиеся огни фар. А потом, покачнувшись, призрак упал, хотя с BMW и не столкнулся.

Кристиан улыбнулся и лениво откинулся на спинку сиденья.

Нашлась, наконец. Ты предсказуема.

Кристиан взглянул на часы, проверил травматическое оружие в чехле и вышел из машины, накидывая на голову широкий капюшон раскрытого пальто, спасаясь от немилосердного, ледяного снегопада.

Свет фонаря быстро отыскал распластанную на грязном асфальте девушку – высокую, страшно худую, в старом бабушкином халате и в ночной рубашке до щиколоток.

Кристиан молча рассматривал ее, пока на ее спину падал снег.

Похоже, за ней очень плохо следили. Хуже, чем я велел. Цвет кожи бледный, а на лице видны странные шрамы, уродующие ее, еще свежие, словно она регулярно ковьярялась в них. Я не нахожу это удивительным – возможно, это нервное самошрамирование. Волосы не так давно вымыты. Ухаживала за собой? Температура тела примерно тридцать четыре градуса. Она передвигалась босиком около часа.

Кристиан без труда поднял ее, перекинул через плечо, и, быстро стянув со спинки заднего сиденья плед, положил туда свою находку. К аптечке он не притронулся, проверять состояние девушки явно не собирался. Он просто развернул машину и поехал обратно, в город.

Ее шрамы были неуместны, как случайный мазок краски на идеально спланированном чертеже. Они покрывали не только лицо, но и руки, не являясь следствием болезни – он хорошо узнавал признаки чисто механических повреждений кожного покрова.

Тем временем, Саша приходила в себя. Она ошеломленно приподнялась, дрожа от дикого озноба, покачиваясь и озираясь по сторонам с повадками дикой лисицы. Затем светло-серые глаза, не мигая, впились в отражение водителя, изучая его. Брови ее, наполовину бритые, низко сдвинулись к переносице.

Она молчала. Внезапно Саша резко подалась вперед, и в шею Кристиана едва не впилась игла. Благодаря быстрой реакции ему удалось перехватить её запястье.

– Ты не хочешь знать, куда я тебя везу и что с твоими родителями? – спокойно спросил он, одной рукой продолжая управлять машиной. Но взглянув на Сашу, он резко остановил машину и перехватил вторую её руку. Там тоже была игла. Он улыбнулся:

– Какая умница! А что у тебя ещё с собой?

Вместо ответа Саша вцепилась клыками в его руку. Клыки показались Кристиану слишком острыми.

– Ты зубы себе точила, что ли?

Она не ответила. Во всём её существовании яростно горело желание убить Кристиана любой ценой, даже если придётся умереть самой.

Если честно, я ожидал, что она будет зла, но...

Саша с неожиданной силой вырвала свои руки из его хватки, а затем потянулась к его глазам. Внезапно она почувствовала слабый укол в области шеи.

– Поспи немного, – шепнул Кристиан, убирая шприц.

– Мразь... – Саша застонала от ярости. – Я убью тебя! Глаза тебе вырву и сожрать заставлю!

– Поэтично, – меланхолично отозвался Кристиан. – Начинаю думать, что мы сработаемся.

– Что ты... несёшь? – сонно пролепетала Саша, а потом закрыла глаза.

Сильная, решительная, отчаянная. Держится пойманным зверем, готовым вцепиться мне в глаза при том, что я объективно сильнее. Она даже не пытается задуматься о собственном поражении или слабости.

Любопытно. Она не попыталась вызнать хоть что-то о своей семье. Она не попыталась манипулировать мной. Она немедленно попыталась меня убить – это было самым важным её приоритетом. Почему?

Когда Саша пришла в себя, тело её было слишком тяжёлым, чтобы шевелиться. Она рассеянно посмотрела в окно. Мимо промелькнул указатель на Москву. В ней робко шевельнулась надежда на то, что Кристиан везёт её обратно, к родителям, но она понимала, насколько далека эта мысль от реальности.

Язык её не слушался, так что задавать вопросы она не могла. По щеке её стекала собственная слюна, сглатывать было трудно, очень ломало пальцы рук и ног. Любое положение тела в пространстве казалось неудобным.

– С твоими родителями всё хорошо. С друзьями тоже, – обратился к ней Кристиан, увидев, что она проснулась. – Отец и братья уже думают, что ты мертва и ищут твоё тело. Только мать надеется, что ты жива. В доме царит угнетающая атмосфера. Им без тебя плохо.

Саша молча смотрела на Кристиана, ненавидя собственную беспомощность.

– Но я не повезу тебя домой, – отрезал он. – Так вышло, что я уже занят делом, и его нужно закончить. Я не могу немедленно приняться за твоё. Ты немного мне поможешь, и мы выясним, на что ты годишься.

Способность говорить тем временем стала к ней возвращаться. Саша сказала:

– Я убегу, хочешь ты того или нет.

Кристиан молчал. Взгляд его казался спокойным и задумчивым. Наконец, он произнёс:

– Ты погибнешь, если убежишь.

– Мне наплевать.

Он заинтересованно сказал:

– А как же твоя семья?

– Ты ничего не понимаешь. Ты и впрямь слепой... Ты умрёшь, Кристиан, – тихо протянула Саша, глядя на него. Ты будешь страшно умирать.

– Очень может быть. Но не от твоих рук, – ответил он спокойно.

Чего именно я не понимаю, сумасшедшая? Не пытаешься ли ты сказать мне, что отчаялась когда-либо вернуться домой? Я в это не верю. Даже не пытайся строить из себя человека, которому нечего терять, это нелепо.

– Почему ты выбрал своей жертвой меня? – спросила Саша.

– Я уже говорил, что не выбирал тебя. Мы нашли друг друга. До тебя были другие.

– И что с ними стало?

– Исчезли из моей жизни, – легко ответил Кристиан. – Точнее, я был вынужден заставить их исчезнуть.

– Ты убивал их? – презрительно спросила она.

Кристиан медленно покачал головой:

– Нет. И да, в каком-то смысле. Им было слишком интересно кое-что знать обо мне, Александра. И я пару раз ошибся. Иногда истина убивает.

– Бесплезно, – мрачно отсекла Саша. – Говоришь загадками, напускаешь туман. Мне наплевать. Ты обыкновенный маньяк, мне нет дела до твоих секретов. Я просто хочу, чтобы ты заплатил за то, что сделал со мной.

– Всего-то?

– Может ты окажешь мне любезность и убьёшь себя? – саркастично поинтересовалась Саша.

– Ты ещё пожалеешь о том, что говоришь.

– О, едва ли!

– Я заплачу за то, что отдал тебя в ту клинику. Но ты не будешь этому рада. Через три дня тебе не захочется от меня убежать.

Саша нервно рассмеялась:

– Как же ты ошибаешься!

Кристиан проигнорировал её.

Перестав смеяться, она некоторое время смотрела на него уже более спокойно и осмысленно, хотя чёрная ненависть осталась в глубине ее глаз.

– Знаешь, что я думаю, Кристиан? Я думаю, ты взял на себя какую-то роль. Ты придаёшь ей большое значение, хотя по факту она – пустышка. У твоей деятельности всего одна цель – тешить твоё непомерно раздутое эго. И ты думаешь обаять меня. Ты думаешь, я сочту тебя интересным, поверю в то, что ты – кто-то значимый. Но ты не значимый, Кристиан. Ты просто творишь хаос вокруг себя, потворствуя большим желаниям. И что бы ты ни придумал, как бы ты ни изошрялся, я очень быстро докажу тебе, что в твоей деятельности просто нет горячо любимого тобой смысла...

– Заткнись!

Это было сказано ледяным тоном, который даже обескуражил Сашу. Кристиан смотрел на неё с едва заметной гримасой искреннего отвращения. Она кожей ощутила в ту секунду опасность своего положения. Это хлёткое слово – первая и единственная произнесённая вслух грубость, прозвучала, как сигнал тревоги.

– Я заплачу за то, что сделал с тобой, – в полной тишине произнёс Кристиан. – И ты станешь тому свидетельницей. Я позволю тебе огрызаться, шипеть и вести себя, как истеричка. Можешь вновь попытаться выколоть мне глаза. Но есть то, чего я тебе не позволю. Не смей быть необъективной. Даже не пытайся говорить неправду и ошибаться. Потому что если я пойму, что ты такая же, как остальные, то избавлюсь от тебя и забуду, позаботившись о том, чтобы твоё тело никогда не нашли.

Когда небо перестало крошиться на город сединой мертвого снега, и утих свирепый, словно припадочный, ветер, машина въехала во двор многоэтажного дома на Давыдовской улице. Им являлась одна из тех редких построек, на крышах которых стояли башни – они придавали зданию таинственный вид.

Едва Кристиан открыл машину, Саша попыталась бежать, но ослабевшие ноги её не слушались. Он заткнул ей рот рукой и заставил ковылять подле себя к подъезду. Это удавалось ей не без труда – разбитые о лед и асфальт ноги едва ворочались, выполняя свою функцию.

– Добрый вечер, Кристиан, – приветствовал Фишера охранник в будке у входа в подъезд.

– Добрый вечер, Антон Семёнович, – вежливо ответил он, запихивая свою жертву в подъезд.

Саша с силой укусила Кристиана за палец, и тот небрежно выпустил её из своих рук. Дверь в подъезд с щелчком открылась. У Саши не получилось её открыть. Кристиан за шиворот потащил её к лифту.

Она понимала, что кричать бесполезно по реакции охранника в будке.

В крохотной кабине лифта, оснащенной зеркалом, оказалось слишком светло, но эти двое не стремились смотреть друг на друга. Девушка неподвижно стояла, сцепив пальцы рук домиком и скрестив ноги, опираясь на стену и съежившись.

– Похоже, тут никого не удивляет род твоей деятельности.

– А ты знаешь, чем я занимаюсь? – флегматично поинтересовался Кристиан.

– Мир спасаешь? – поинтересовалась Саша с сарказмом.

– На целый мир меня пока не хватает, – совершенно хладнокровно ответил он.

– Бедный мир! Как же он без тебя?

Саша думала, что взбесит его, но он почему-то только молча улыбнулся.

Она со страхом дернулась в сторону от Кристиана, когда тот помог ей опереться на себя, едва гостя покачнулась.

На двери квартиры значились серебристые символы «97».

В пустой, аккуратной прихожей она обняла себя руками и осталась стоять на пороге, не сходя с темного, колючего прямоугольника коврика. Жмурясь от света, она смотрела вниз, будто ее полуголой втащили на сцену.

– Тебе неприятны прикосновения? – заинтересованно спросил Кристиан. – Любые?

Девушка окончательно вжалась в стенку и мельком посмотрела на ключ, висевший на гвоздике рядом.

– Да, любые, – с нажимом произнесла она.

– Какая ирония! Случай насилия в раннем возрасте? – холодная флегматичность в голосе обожгла тревогой.

Саша метнула в него колючий взгляд:

– Я не настолько предсказуема.

– Именно настолько, просто не хочешь этого признавать, – ответил он, с явным сомнением в голосе.

Саша огляделась. В квартире было безукоризненно чисто. Минимум мебели и предметов, все идеально сочеталось по цветам, составляя обстановку. Возникло впечатление, что это – картинка из страниц журнала о ремонте и дизайне помещений.

Кристиан кивнул в сторону одной из пяти пар одинаковых, серых домашних тапочек:

– Надевай. Ванная прямо перед тобой, по коридору. Не закрывайся.

Саша не изменила своей позы и говорила, опустив голову:

– А если закроюсь?

– Ты можешь это сделать, но эта дверь не станет для меня препятствием, если я вздумаю к тебе заглянуть.

Саша задрожала. Сбывалось худшее её предположение. От отвращения она не смогла заставить себя говорить.

– Почему, конкретно, я здесь нахожусь? – наконец, выдавила она.

Он подошёл к ней, и Саша буквально вжалась в стену, глядя на него с ненавистью, в которой читалось обещание наброситься на него при малейшем признаке опасности. Кристиан разборчиво рассмотрел её лицо, шею, руки.

– Самомнение женщин странно устроено, – проронил он, рассматривая её ключицы и задержавшись взглядом на ее губах. – Оказавшись в подобной ситуации, они думают, что мужчине от них может быть нужно только одно. Александра, – он посмотрел ей в глаза, – боюсь, ты не отдаёшь себе отчёт в том, как сейчас выглядишь. К тому же, составляя мой портрет, ты должна была догадаться, что я не имею привычки грубо домогаться женского внимания. Оно мне до лампочки.

Он ни разу не коснулся её, хотя Саша чувствовала, что ему хочется провокации.

– Просто иди в ванную. Тебе же наверняка хочется нормально вымыться.

– В клинике мне тоже запрещали закрываться, – прошипела она.

– Я разрешаю тебе закрыться. Но тебе следует помнить, что любой замок – это иллюзия безопасности, – Кристиан отошёл от неё, и Саша смогла вдохнуть свободнее.

– Ты не понял, – от страха в ее хищно обострившихся чертах не осталось и следа. – Меня нельзя запугать угрозами и заставить подчиниться. Ты уничтожил мою жизнь, мне нечего терять. Или интересно, как я поведу себя? Очень просто. Я действительно сбегу так или

иначе, – при этом продолжала стоять на пороге. – А если выпадет хоть малейший шанс, попытаюсь тебя прикончить.

– Думаю, ты сможешь размышлять более адекватно, когда придешь в себя, – спокойно ответил Кристиан. Саша переглянулась с Фишером, и сумела выхватить в его взгляде легкую заинтересованность.

Перестав обращать на свою гостью внимание, он снял пальто и вытащил из темного чехла ноутбук. Действуя на автомате, поставил чайник на плиту, включил компьютер и расстегнул две пуговицы на черной рубашке.

Саша же, в свою очередь, дикой мышкой перебежала в сторону ванной комнаты.

Странно. Перестала сопротивляться?

Пока кипятилась вода, Кристиан внимательно смотрел в монитор. Материалы по делу уже пришли на почту.

«...гениталии убитого частично обнаружались в его пищевode и желудке. Судя по их состоянию, были проглочены за несколько часов до смерти. Убийца заставила жертву смотреть на себя в зеркало при этом».

«Длина ладони преступника – восемнадцать с половиной сантиметров».

«Одежда убитого аккуратно сложена у кровати».

– Она педантична, ее ярость хладнокровна. Девушка взяла из вещей телефон, оставила нам сообщение, положив гаджет в самый центр стола, – бормотал Кристиан, постукивая по своим губам кончиком шариковой ручки. Блокнот лежал рядом.

Чайник выключился, издав характерный щелчок и испустив вверх, как долгий выдох, теплую струю пара из носика. Кристиан, почти не глядя, кинул в кружку полторы ложки заварного кофе. Он добавил туда кипятка и немного мускатного ореха.

Через некоторое время он заметил, что вода в ванной не шумит уже давно, а гостя не появляется в комнате. Он отставил в сторону кружку с кофе, и пошел в свой кабинет. Увидев за занавеской перед выходом на балкон тонкий силуэт девушки, он медленно встал у стены, скрестив руки на груди.

– Представляю, с каким разочарованием ты обнаружила, что в ванной нет ничего острого.

Саша медленно повернулась к нему, выглядывая из-за занавески. Кристиан вытащил из кармана крохотный ключик и подбросил его в ладони:

– Полагаю, ты думала, как пробраться на балкон.

– Я всё равно убегу, – уверенно и спокойно ответила ему она.

Кристиан снисходительно улыбнулся, кивнув каким-то своим мыслям и, глядя в сторону, заметил:

– Спать в наручниках очень неудобно. Я прикую тебя, если ты попробуешь еще раз.

– Можешь рискнуть, – хрипло отрезала она.

Он мотнул головой в сторону кухни:

– Тебе нравится кофе?

– Ты придурок? Какая тебе разница?

– Вежливость. Ты в первый раз в агентстве, и я проявляю гостеприимность.

– В агентстве? – беспокойно переспросила она. – Что за агентство?

– Скоро ты сама всё поймешь.

– Повторяю, я не намерена участвовать в твоих играх. Мне всё равно, чем ты занимаешься!

– Ну, разумеется. Собираешься продолжить детскую истерику... Если всё же хочешь кофе, идем на кухню, – он спокойно повернулся к ней спиной. Саша уже успела заметить, что он не расстается с оружием на поясе. Но она смотрела на него без опаски. С завистью.

Я не привык к тем, кто в каждый момент ждет битвы. Людей, утверждающих, что им нечего терять – много, но это почти всегда – бахвальство. На самом деле каждому есть, что терять. В первую очередь – надежду.

У Александры не могло не быть надежды – так я думал. Её семья и близкие в порядке. Её жизнь ещё может наладиться, если она убежит от меня. Она не станет ни убивать меня, ни рисковать собой. В первые секунды встречи со мной ею двигала ярость. Но сейчас она приходит в себя.

Всем есть, что терять. Я отвык от людей, которых можно назвать отчаянными. Александра слишком умна, чтобы не понимать своей ситуации, поэтому она будет осторожна.

В кухне Саша, словно кошка, села на стул, поджав под себя ноги. В ней чувствовалось стремление всюду занять минимальную площадь в пространстве. Она смотрела на черную луну, отражающуюся в кофейной чашке, ее взгляд маскировал напряженную работу мысли.

В тишине Кристиан продолжал переключать фотографии с одной на другую, щелчки мыши казались оглушительно громкими, они отсчитывали время до некоего важного момента.

Неожиданно девушка отошла от стола, кружка выскользнула у нее из рук. Саша живо схватила острый кусок керамики и без колебаний прижала к своему горлу. Глаза её в ту секунду, как ни странно, были ясными и серьезными. Взгляд экзальтированного мученика – он не взбешен, не во власти эмоций. Саша казалась собранной и владеющей собой, но ее выдавал тревожный блеск глаз.

– Ты дурак и ничего не смыслишь в людях! Не всех можно запугать и не все поддаются контролю, – безмятежным тоном произнесла она, беря ответственность за спокойствие того, перед кем совершает суицид. – Ты кое-что не учёл. То, что я видела там... То, что было со мной там... покалечило меня. Кем я вернусь домой, даже если и сбегу от тебя? Кем я стану, если убью тебя? – она горько усмехнулась. – Посмотри на меня! Я боюсь людей до такой степени, что мне страшно кого-то звать на помощь. Я не смогу работать, не смогу влиться в социум. Но, знаешь... после всего, что я увидела – я не хочу в него вливаться. Я не хочу жить в мире, где такое могут сотворить с человеком! Я видела, как истязают больных. Я смотрела и не могла понять... кто это передо мной... Эти существа в белых халатах были похожи на людей, но они не были людьми. Они не действовали, как люди. Я не хочу дышать с ними одним воздухом! Я не хочу знать, что они существуют. Я не могу этого вынести!

– Эта кружка мне нравилась, – хмуро сказал Кристиан, с сожалением рассматривая осколки. Он перевел взгляд на девушку и флегматично отметил:

– Ты не станешь резать себе горло. Это очень сложно, а ты не обладаешь должной физической силой и сноровкой.

Саша посмотрела на него ничего не выражающими, кроме решимости, глазами, и твердо отметила:

– Мне плевать, что ты сделаешь с моим телом!

Я действительно не привык к несчастным безумцам, внутренне свободным от каких бы то ни было условностей.

Страхи большинства людей и их привязки обычно предсказуемы – пропажа денег, дома, спортивной машины. Со смертью близкого человека бывает проще справиться, потому что для многих она не несет столько последствий, как сгоревший дом. Люди отрицают подобные уличения, и это похоже на непризнание фаллических символов в своем сне или утаивание позорных, вредных привычек. Но это – правда, человеческий ресурс денег не стоит, а вот вещи

стоят очень дорого и заменить их бывает труднее. Что такое эта ваша одушевлённость, честное слово?

Ее лишили всего, и свобода с отчаянием последней степени прорвались сквозь каждую пору ее кожи во внешний мир. На целую секунду она заставила меня любоваться этим стихийным движением доведенного до ручки эго.

Кристиан медленно встал со стула, не отрывая взгляда от руки Саши у ее горла. А потом на темно-серый кафель с шумом брызнула ярко-алая струя крови.

Александра улыбалась. В этот момент любой другой человек понял бы, как ужасно связываться с сумасшедшими.

Кристиан подхватил падающую девушку, удивившись ее ненормальной легкости. Он вытащил тонкий, тканевый ремешок из ее халата и быстро перетянул место порванной раны.

В глазах Саши мерцающими бликами мелькнула паника. Девушка шевелила губами, и он предположил, что это – попытка сказать «помогите», но услышал:

– Прекрати...

После того, как человек каким-то чудом перерезал себе горло, счет идет на секунды. Шанс спасения самоубийцы – невероятно мал, при условии, что порез достаточно силен и сделан правильно, что бывает редко. Увы, гостя постаралась на совесть и, скорее всего, заранее тренировалась.

Кристиан вытащил с полки кухонного шкафа довольно большой, металлический чемоданчик аптечки и закатал рукава. Он собирался задержать кровотечение и убедиться, что нет повреждений трахеи. Но дышала безумная гостя нормально. Колотый порез возник от удара моментально, однако он не имел должной силы – видимо, Саша совсем ослабла, что и спасло ее, по большей части.

– Не шевели головой, – приказал Кристиан, не обнаружив на лице у Саши и тени волнения.

Девушка смотрела на своего спасателя с ужасом.

Кристиан прокомментировал:

– Я сделаю тебе укол гемостатика. Он немного повысит свертываемость крови.

Переворачивать девушку было нельзя, пришлось вводить лекарство в вену на руке.

Страх в лице Саши быстро перерастал в отрешенность. Она закрыла глаза.

– Рано или поздно это бы произошло, – безжалостно изрек Кристиан. – Рано или поздно ты бы поняла всё то, что видела в больнице, и это сломало бы тебя, Александра. Даже без меня тебя бы заперли и никогда не выпустили, чтобы ты не могла вмешиваться в покой и благосостояние граждан, населяющих этот замечательный город, полный образованных и хорошо замаскированных психов. Ты спросила, кто истязал людей там, в больнице? Ты спрашиваешь, потому что для тебя есть разница между людьми и не-людьми. Ты спрашиваешь, потому что знаешь, как соответствовать слову «человек». Там были *нелюди*, Александра. Скоро ты узнаешь, как их ловить, – он улыбнулся ей. – Я научу тебя. Но для начала, как я и говорил, тебе придётся выжить.

Не открывая глаз, она пошевелила губами, издав хриплое, но полное сдержанного огня, упорства:

– Я всё равно однажды снова убегу! Я у-бе-гу... Чего бы это ни стоило!

Кристиан понимал – ни рамки морали, ни оковы законности или шаткие нормы поведения не остановят ее, если что-то пришло ей в голову.

Он молча, с задумчивостью, удерживал на себе ее звериный, нечеловеческий взор, будто читая что-то, одному ему ясное, не пугаясь, не злясь, а внимательно и глубоко впитывая невербальную, жизненно важную информацию. Он ощутил, как она перетекла к нему в мозг неиз-

вестным вирусом. Ему на мгновение показалось, что земля на секунду остановилась, а затем пошла вновь, отсчитывая первые минуты своего рождения.

– Скоро ты почувствуешь сонливость, – неторопливо обронил он, наконец. – Я надену на твою шею фиксирующий воротник.

Опасная сумасшедшая вновь закрыла глаза.

Когда Фишер аккуратно перенес девушку в спальню, она и не думала сопротивляться, замороженная невиданной хладнокровностью своего случайного и очень странного мучителя.

Кристиан приковал ее запястье наручником к спинке кровати.

– Посмотрим, насколько тебя хватит, – пробормотал он и вышел.

«...конкретно смерть наступила от удушья. Жертва подавилась в процессе проглатывания собственной плоти».

«На сотовом обнаружено не отправленное сообщение. Его убийца адресовала криминалистам».

Фишер внимательно посмотрел на сфотографированный экран телефона:

«У убитого выродка нет будущего кроме того, в котором он бы продолжал творить зло. Не ищите меня, у вас хватает нераскрытых дел. Я сама никогда себя не прощу и больше не подниму руки на человека».

Что-то во всём этом казалось Кристиану не типичным до болезненного ощущения в голове.

Он встал и аккуратно вытер с кафеля кровь, тщательно прополоскав в раковине тряпку. Затем вернулся в комнату, где находилась Саша. Это помещение спальней не являлось. Кровать, кресло и шкаф, расставленные без ковра, не скрывали пустоты пространства, а, напротив, подчеркивали ее.

Убедившись в том, что наручник находится на месте, а рана не открылась вновь, Кристиан расположился в кресле подле кровати, поставил на табуретку перед собой компьютер и, закинув руки за голову, начал заново всматриваться в фото.

Он закрыл глаза, замедляя свое дыхание. В темноте сознания перед ним вспыхнула пирамида, разделенная на семь этажей разного цвета – от красного внизу, до фиолетового вверх. Она приближалась до тех пор, пока не стала огромной, и Кристиан не оказался внутри лифта. Он нажал на четвёртую кнопку, и машина бесшумно заскользила вверх. Кристиан вышел в комнату хостела. Ещё живой, но привязанный к кровати человек, с ужасом смотрел куда-то за спину Фишера.

– Кто ты? – прошептал Кристиан.

Спустя несколько секунд, в полной тишине, он вдруг услышал цокот каблуков – так постукивают туфли на тонких, высоких шпильках. Вон она ступила на ковер, и вновь вокруг становится мучительно тихо. Кристиан вслушивается, потому что за завесой лживого молчания скрыт ответ.

– Это экшен, представление для зрителя, – шептал он, внимая аромату тонких, нежных духов, имеющих в своей основе белую розу. – Всё убийство по времени тянется около часа. Девушка явилась к нему на закате, а вышла лишь поздней ночью. Что же она делала все остальное время?

* * *

Подъем в больнице для отверженных начинался в семь. Сначала Саша вместе с другими в отделении получала лекарства. Потом у нее было несколько минут на то, чтобы заправить койку и пойти на завтрак. Душевые кабинки здесь не закрывались, туалет тоже, справлять нужду и приводить себя в порядок можно было исключительно под присмотром не только

медсестер, но и любознательных больных. Обязательным также было еженедельное омовение, но на это обычно не обращали внимания.

Никогда Александра не оставалась одна – ни в палате, ни в коридоре, ни в туалете. Проспать раньше всех было можно, но не слишком рано. Не заснуть снова было нельзя, и, если кто-то не спал – его обкалывали успокоительным. Ни минуты свободной жизни не только для тела, но и для разума. Саша задыхалась от нехватки личного пространства и царящего вокруг безумия.

Развивающие игры и трудотерапия, как в Советском Союзе – описание их висит в коридоре первого этажа, оно выбито золотистыми буквами на красном фоне. Под ним подразумевалась уборка во дворе. Обычно больные радовались любой тяжелой работе, если она проходила на улице, когда было не слишком холодно. Пациенты расчищали снег, мыли палаты, особо провинившиеся полировали туалеты до блеска под присмотром дежурных.

Перед обедом давалось сорок минут свободного времени, но, конечно, оно проходило в кругу наблюдения и больных, и санитаров. Затем запихивание в себя пищи, таблетки. Александра поняла, что если быть вежливой и помогать санитаркам, не ругаться, то с тобой обращаться будут немного иначе. Но это только в ее отделении. В первом отделении никому не разрешалось гулять по коридорам, сидеть можно было только на одном месте, а лежать запрещалось вовсе. Ты ничего не делаешь, и всё твоё время проходит в компании тяжелобольных – либо связанных, либо представляющих из себя пародию на человека: с выпученными глазами и бессмысленно поднятыми бровями. Они пытались есть друг друга, несли околесицу, бились головой об стены и мочились прямо в палатах. Окна не открывали никогда, убираться заставляли больных.

Александра быстро перестала повторять себе, что так не бывает. Одна из лояльных медсестер объяснила:

– Финансирование везде разное. Руководство тоже. Даже если сюда и приходят изначально помогать, то с годами среди этого всего поневоле очерствеешь. И убивали тут психи, и калеками сестричек оставляли. Знаешь, как страшно начинать тут работать? Помню, в свое первое дежурство, ложусь спать в коридорчике на диване. Просыпаюсь от того, что на меня лег голый старик и пытается облизать мою щеку. Мы не спим, платят нам копейки, и роста карьерного, считай, никакого. А психи заботу, само собой, не ценят, вот, наверное, работники и черствеют. Но еще от начальства многое зависит, конечно, – она замолчала, решив, что сболтнула лишнего.

Про первое отделение она сказала так:

– Ад крошечный, что есть, то есть. Ты не сердись на врачей, а то мигом туда попадешь. Оттуда годами не выходят, там и избивают больных и что только не делают. Ну, да... понимаешь, сюда никто не идет работать, поэтому в первое отделение нанимают, ну... – она замялась почему-то стыдливо, – всяких разных.

– Но ведь такого не может быть, – прошептала Саша, хватаясь за голову. – Мы же в паре километров от Москвы!

– А это, милая моя, уже много! Ты возьми хотя бы любую больницу на крайней ветке метро. Прогоуляйся-ка по Марьиной роще часиков в одиннадцать вечера или по Люблино. Чем дальше от центра, тем хуже.

Отбой – в девять часов после просмотра повторяющихся мультиков, основной их чертой является полное отсутствие логики и смысла.

Больные второго отделения – это «овощи», не пригодные работать, неадекватные, не умеющие за себя постоять, старики. У них нет особенного расписания, и они почти не покидали вонючих, грязных коридоров, они – рабы системы тотального контроля. Ходячая иллюстрация душ в царстве под надзором Аида.

Первое отделение – самое страшное, туда кладут агрессивных пациентов. Какое-то время именно среди них лежала Саша. Из него она выбралась только с помощью чуда и собственного самообладания. Если здесь изнасилуют девушку, ни одна разумная душа не узнает и не поможет. Врач сочтет слова больной за бред... И докажет это элементарно, если потребуется. Если пациента покалечат – та же история.

Впервые за десять месяцев Саша проснулась после рассвета, и это напугало ее непривычностью, неправильностью, нереальностью. Она инстинктивно задержала дыхание, ее сердце забилося быстрее, а взгляд заметался по сторонам, не находя ничего знакомого. Нещадно болела и чесалась шея, а еще – рука в области запястья, стянутом наручником. В комнату сквозь плотные занавески лениво просачивался дневной свет. Вместо гробовой, нездоровой тишины огромной больницы Саша услышала гудящее, многоголосное пение проснувшегося города. Она ощущала жизнь в этом звучании, недоступную ей, запретную, сладкую. Один этот звук умиротворял её. Вместе с ощущением жизни, нормальности и свободы к ней понемногу возвращались воспоминания о том, каково это – не существовать среди безумия в атмосфере полной бесправности и обезличенности.

Саша многое поняла в больнице. Например, она знала, если позволить больным ходить в своей одежде, это может поднять им настроение, они станут относиться к больнице более доверительно. Если же позволять не очень тяжёлым больным оставаться в одиночестве и дать им побыть в душе около пяти минут без чьего-то надзора, это поможет им не утратить человечность. Достаточно не бить, не кричать и позволять человеку иногда разбираться со своими мыслями, дать ему вести дневники, позволять рисовать, и половина лечения для такого больного будет выполнена. А если в расписание добавить прогулки на свежем воздухе в тишине, то процесс реабилитации ускорится. Но в больнице было сделано всё наоборот. Она больше напоминала концентрационный лагерь.

Кристиан дремал, откинувшись на спинку кресла и запрокинув голову к потолку. Он показался Саше мертвым: неподвижный, как манекен, с бледной кожей, светлыми сжатыми губами. Его лицо было серьезным даже во сне. Его светлые волосы, передние пряди которых были завязаны сзади в строгий хвост, выделялись на фоне чёрной рубашки и джинсов. Чёрно-белый человек.

Саша не шевелилась, тайком впитывая драгоценные мгновения покоя.

Она выжила. Саша была уверена, что погибнет. Она тренировалась на тот случай, если придётся убивать себя подобным образом. И не только этим. Она знала, какие таблетки достать, чтобы быстро уснуть, знала, как удушить себя. В больнице она многому научилась. Натренировала боковое зрение, научилась прятать таблетки, как умеет это делать только психически больной. Она научилась заставлять их застревать в начале пищевода, а потом вызывала у себя рвотные позывы, маскируя их под безобидный, тихий кашель. Она научилась притворяться, лгать и сохранять хладнокровие в ситуациях, когда любой другой будет кричать. Она научилась действовать, не раздумывая, и принимать решения без оглядки на сомнения.

Оглушённая, она не знала, что ей теперь делать с собой и с этими страшными умениями. Мысли её возвращались к дому. Она скучала по родителям. Теперь, когда она знала, что они – в порядке, а её попытку убить себя остановили, в сердце к ней постучалась надежда.

«Может, всё ещё получится? Может, получится убежать? У него пистолет на поясе, и я смогу дотянуться, просто нужно действовать тихо».

Саша не собиралась давать Кристиану время прийти в себя. Она собиралась вытащить пистолет и выстрелить в него, не раздумывая. Она бы так и поступила, потому что знала, что не быть решительной – значит умереть.

Она осторожно дотронулась до ремешка на поясе Кристиана, до пуговиц чехла пистолета, а затем перевела взгляд в лицо спящего, отвела руку и откинулась на подушку, глядя на него с напряженным вниманием.

Он напоминал ей ангела с этим идеальным овалом лица, большими веками глаз, ровностью линий римского носа. Вот только разлёт тёмных бровей, чуть скошенных к переносице, твёрдый подбородок, упрямо поджатая нижняя губа и едва заметная изогнутость носа твердили об обратном. Кристиан представлял собой странное зрелище. Приторная внешность, слишком идеальная, слишком глянцева, не шла ему. Она бы больше подошла положительному главному герою голливудской сказки про принцев и принцесс. Однако холодный взгляд принадлежал грабителю, убийце, зверю. Отстранённая интонация низкого, но бесцветного тембра голоса была не создана, чтобы пленять или заигрывать с девушками. Руки его все были в шрамах – пятна, прочерки, ломаные линии. При этом пальцы оказались ровными, длинными, а широкая ладонь выглядела жёсткой. Кристиан представлял собой противоречие – нелепое и странное. Одних он очаровывал с первого взгляда, другим внушал лишь снисходительную улыбку, третьих пугал. Он подходил одновременно под шаблон инфантильного юного гея, разнузданного наглого убийцы и... невероятной серости, какой много на улицах Москвы. Кристиан был духом лицемерия этого города. Во всяком случае, так о его внешнем виде подумала Александра.

– Любопытно, – он открыл глаза слишком быстро, и голос его звучал очень спокойно для человека, который только что проснулся, – почему ты не стала забирать оружие? Возможно, я бы не препятствовал.

– Чувствовала, что ты наблюдаешь.

– Чувствовала?

– Интуиция. Не пытайся понять – это слово слишком сложное и не поместится в твой бытовой словарь.

Кристиан медленно приподнялся, потянулся к Саше и обхватил своей рукой её запястье. Затем приблизил к ней своё лицо:

– Тебе известно, почему я позволяю тебе угрожать мне или оскорблять меня?

Саша молча смотрела ему в лицо холодным взглядом, даже не думая отводить глаза.

– Убери от меня руку!

Кристиан произнес:

– Просто это всё, на что способен бессильный физически и умственно человек. Но от тебя подобное звучит нелепо, ведь ты – не дура. Поскорее бы тебе надоело. Я уже давно не применял к женщинам насилия, – он отпустил её.

– Я когда-нибудь услышу, что ты, конкретно, от меня хочешь? – мрачно спросила она, стараясь не выдавать дрожи в голосе, потому что Кристиан секундами пугал её. Этот страх касался её сердца даже сквозь броню её ненависти к нему.

– Очень скоро всё поймёшь.

– Что помешает мне закончить начатое вчера?

– Я. Люблю самоубийц, – он посмотрел в потолок, – с ними не скучно. Никогда не знаешь, что они сотворят в ту или иную секунду. Я не встречал людей с более развитой смекалкой. Даже у наркоманов нет столь фантастической изворотливости. Ты не умрешь, я не позволю. И не сбежишь. Но если ты осознаешь положение адекватно, у тебя появится шанс на свободу.

– Тогда я буду просто сидеть и молчать.

– Надолго выдержки не хватит. Месяца на три – максимум. К тому же, придется терпеть мои прикосновения, мне нужно будет мыть тебя и водить в туалет. Впрочем, к таким вещам ты должна была привыкнуть, кажется? – подняв брови, небрежно уточнил он и почти издевательски добавил: – Не бойся, я буду бережен.

Она продолжала неподвижно смотреть на него. И тени страха не появилось в светлосерых, как лёд, глазах.

– Ты находишься в детективном агентстве «Перекрёсток-D». До сих пор я был его единственным сотрудником. То, что ты приняла за смайлик в моих посланиях, было буквой, но я не ждал, что ты отгадаешь.

– Я о нём слышала, – нахмурилась Саша и недоуменно приподнялась. – Боже... Так это и есть ты? Одно из лучших агентств в городе с принципом полностью анонимной работы. Устроиться туда работать почти невозможно, ничего не известно ни о сотруднике, ни о том, кто основал его. И, выходит, это агентство – просто ширма какая-то?

– Главное, что мне требуется помощник.

– А ты слышал про интернет, гений? Есть такой специальный сайт, куда люди кидают свои резюме. Там обычно адекватные работодатели находят себе разных помощников.

– Я не ловлю преступников, Александра, – тихо произнёс Кристиан. – Поэтому я – лучший.

Она молчала.

– И мне не требуется офисная крыса, которая работала бы восемь часов в день, а потом уходила бы к себе домой. Этого недостаточно для эффективности. Мне нужен солдат без семьи и привязанностей.

– С какой целью?

– Прежде, чем ты поймёшь это, я проведу проверку.

– Ты болен гораздо сильнее, чем я думала, – пробормотала Саша, медленно качая головой.

– Я почти здоров, – поправил Кристиан. – На данный момент я собираюсь объяснить, что если выбор у тебя и есть, то небольшой. Ты можешь, пусть и со мной, но всё же приносить пользу, жить и работать. Или пойти против меня, в конечном счете изводя себя долгой и мучительной смертью. Твой подвиг воли при этом не будет иметь никакого смысла. И я разочаруюсь. Александра, – он вздохнул, качая головой, – поверь, тебе лучше меня не разочаровывать. Пока ты мне нужна, ты – в безопасности.

Саша не отвечала, осмысливая услышанное.

– Сейчас я задам вопрос, – он подался к ней, склонив голову. – Если ответишь верно, я сниму наручники. Если попытаешься бежать, я снижу градус доверия, и около месяца ты будешь прикована к этой комнате цепью. Ты – не животное, и я не хочу рассматривать твою личность под столь унижительным углом. Мне не нравится сажать людей в клетку. Не вынуждай меня, хорошо?

– Что за вопрос? – она старалась говорить спокойно.

– Сейчас я сниму наручники, мы позавтракаем, и я начну проверку твоих способностей. Ты будешь от меня убегать? – медленно спросил он.

– Нет, – произнесла Александра, отодвигаясь от него. – Я не сбегу.

– Ты можешь попытаться убить меня, но тебе стоит учитывать уровень моей физической подготовки. Если ты рискнёшь напасть на меня, и у тебя это не получится, ты можешь навредить себе.

– Меня это не очень пугает. Но я могу обещать тебе, что не попытаюсь сбежать.

Она солгала и не ожидала, что Кристиан её действительно отпустит.

– У тебя только что появился базовый уровень моего доверия, – он снял наручник, и Саша поднялась, выдерживая с детективом максимально возможную дистанцию.

– Никаких подсказок и подготовок, – он вытащил из шкафа джинсы и рубашку. – Переоденься, когда выйдешь из ванной.

– И мне даже сейчас нельзя тебя послушаться?

Детектив безразлично пожал плечами:

– Дело твое, но постарайся надевать одежду хотя бы на улицу. Мне всё равно, как ты будешь выглядеть.

Он вышел.

Саша холодно смотрела на одежду, медленно повернулась в сторону окна. Она сжала голову обеими руками и закрыла глаза.

«Главное, сохранять спокойствие. Он – конченный психопат редкого типа. Я должна сначала втереться к нему в доверие. Конечно, пройдет какое-то время, но выбора нет. Продержусь день и посмотрю, что за проверку этот ненормальный для меня придумал, – лицо ее застыло в маске решительности. – Этот псих живёт явно в каком-то своём мире. У него – бред и сверхценные идеи. Если встать между ним и идеей, он и прикончить может. Подыграю ему».

Саша опустила ноги в теплую воду ванной и долго, не шевелясь, сидела, закрыв лицо руками. Пока слезы неторопливо бороздили ее неподвижные щеки, она не переставала думать. Без жалости, со злостью, без сожалений, но с четким пониманием собственного эгоизма, не оправдывая себя и не колеблясь, она хотела уйти из жизни.

Девушка была уверена, что больница, в которую ее отправили, предназначалась для психологического уничтожения. Внутренняя война вымотала ее, Александра устала, ее жизнь была разрушена, и она не намеревалась быть куклой избалованного сумасшедшего, каким ей виделся Кристиан.

Она взглянула на свои тонкие, дрожащие ладони, куда падали мутные капельки, как смотрят на диковинную вещь. Взор затравленного, безумного зверя, зрачки, словно точки.

Воспоминания догнали ее разум, стоило только перестать мыслить хотя бы на секунду...

Она умела лгать и ничего больше. Поэтому ей удалось избежать насилия в больнице – исцарапала себе лицо, не мылась месяцами и придерживалась максимально отталкивающей линии поведения, даже будучи в одиночестве, не выходя из страшной роли. Она сделалась отвратительной, чудовищем, бесноватой, бешеным зверем.

С тех пор, как ее перевели в третье отделение, появилась возможность ненадолго снимать маску, жадно глотая воздух здравого смысла – разве что спозаранку с книгой из библиотеки. В коридорах тогда было еще темно, и она читала с большим трудом. Но она приучила рассудок к дисциплине и научилась уходить из реальности. Печатные, желтые страницы старых книг стали ее ключами к коридору между мирами. Она воспользовалась этим спасением с ликованием. Пусть ей не нравился ни сюжет, ни персонажи, ни даже мысли автора, но она вчитывалась в описания пейзажей и переносилась туда целиком.

Манипуляция, лицемерие и игры стали теперь для нее естественны, как дыхание или ходьба. Сначала настоящая личность просто спала в коконе неискренности. Затем она впала в кому, пока, наконец, от нее на поверхности не остались лишь ярость и страстное желание всё прекратить.

За стенами государственного учреждения для душевнобольных жил иной мир – страшная страна чудес, где самый невозможный кошмар станет реальностью. Где слышны крики, и ты не знаешь – это у кого-то приступ или санитары пытаются «утихомирить» сорвавшийся с цепи рассудок буйного. Или, может, очередной девушке сегодня не повезло.

Но Саша сделала себя глухой и безжалостной, чтобы выжить.

Больные нападали друг на друга, как дикие звери и хладнокровные убийцы – никогда не знаешь, у кого и что на уме. Опасных пациентов далеко не всегда обездвигивали, и на их этаже часто случались драки.

Саша сделала себя самой дикой из всех, самой гадкой.

– Какие статьи? Какие репортажи, о чем ты говоришь? Все знают, что у нас творится, – отмахивалась соседка Саши в третьем отделении, сама бывший врач. – Фотографировали нас, видео снимали, мы и голодовки устраивали. Всем плевать! Мы же психи, чего с нас взять? В этой стране нет такой профессии – лечить безумных, я тебе, как медик с образованием говорю. У нас исцеляют палочными ударами, голодом и тяжелым трудом, – она лихо загибала пальцы. – До сих пор отсталые верят, что так можно человека вылечить. Поэтому, девочка, если ты сюда зачем-то здоровой попала, значит, навсегда. Родственники к тебе приходят?

– Нет...

– Ни разу? Ни отец, ни мать?

– Нет.

– Ну, понятно всё, – протянула она со знанием дела и скорбной насмешкой. – А друзья есть? Хотя... – она цокнула, качая головой, и от этого жеста, полного безнадёжности, у Саши внутри скрутился тяжелый узел.

На другую ночь она проснулась от ругани санитаров. Третья соседка по палате перегрызла себе вены. Неудачно. Врачи выбили ей часть зубов, насколько было ясно по характерному треску, когда девушку стукнули челюстью о стену. Саша помнила, как досталось и ей, едва она бросилась выручать несчастную. Ей «повезло», ее просто скрутили и напичкали снотворным, так что сутки она валялась в тяжелом забытии – мучительном и болезненном.

Призраки прожитых месяцев в этой больнице заставляли ее сжиматься, словно кобру, готовую каждую секунду выпустить из недр души стихийную злобу.

Потом у нее стали появляться мысли о семье.

«Я вернусь, – пообещала себе Саша. – Обниму маму и скажу ей спасибо за то, что она ждала меня. Может, Святослав в бога даже поверит на радостях. Отец вернётся из рейса, и я вновь услышу, как за столом он рассказывает истории о пассажирах и странах, где ему довелось побывать. А потом жизнь пойдёт дальше, вот только... Только я изменилась. Я видела, что находится по ту сторону непроницаемого барьера, отделяющего мою жизнь от жизни отверженных. Я стала одной из них. Я знаю теперь слишком много, и эти воспоминания ничем не вытравить из головы. И я боюсь. Я постоянно боюсь людей. Я сижу в ванной и боюсь соседей за стеной, боюсь Кристиана и саму себя. Хотя больше всего – боюсь нормальных людей, которые кажутся безобидными. Но именно нормальные люди работали в той больнице. Нормальные медсестры и дворники. Этот страх никуда не деть. Как я буду учиться? Как я смогу работать? Я не смогу из комнаты выходить, если вернусь в их чистую, прекрасную жизнь. И что они будут со мной делать? Лечить, ухаживать... Я стану им обузой, как инвалид».

Она посмотрела на воду под ногами, обняла себя руками, закрыла глаза, вжимая голову в плечи, изо всех сил впитывая тишину: «Еще несколько минут одиночества и покоя».

Саша не смогла вымыть волосы из-за фиксирующего воротника. Чтобы снять рубашку, ей пришлось ее порвать, но она сделала это с большим наслаждением.

От одежды Кристиана пахло его духами. Подобным ароматом обладает ухаживающий за собой, благовоспитанный человек. Этот запах не шел откровенному безумию детектива – так она подумала.

Саша вышла из ванной с сожалением. Она скрестила руки и ссутулилась, чтобы сквозь тонкую ткань не выделялась небольшая грудь.

В комнате пахло кофе и блинчиками, слышался торопливый звук нажимаемых клавиш. Невозможно чуждая атмосфера пугала её.

Девушка настороженно заглянула в кухню. Кристиан что-то печатал. Бросив на нее пустой взгляд, он отметил:

– Пока сойдет, – имея в виду ее одежду. – Садись за компьютер.

«Точно. Какой-то дурацкий экзамен...»

Она, беспокойно оглядываясь, спросила:

– Зачем?

– Скоро поймёшь, – с этими словами он повернулся и продолжил жарить блинчики.

Саша неуверенно подвинула к себе ноутбук. Весь монитор занимала фотография с места преступления. Не оборачиваясь, Кристиан сказал:

– Можешь размышлять вслух.

Саша в силу своего опыта и фантазии ожидала чего угодно, но только не фотографий с места преступления. В первые секунды она не знала, что думать.

– Ты консультируешь полицию? Как Шерлок?

– Я консультирую своего друга. Из полиции нанимает меня только он и его знакомые. У нас не принято в органах обращаться к частным детективам.

Она устало потерла свой лоб.

– Ты же сказал, что не ловишь преступников...

– Не ловлю. Смотри на фото и рассуждай вслух.

Она молча смотрела перед собой. «Это всё, что тебе нужно от меня, ненормальный?»

– Неприятно смотреть? – спокойно спросил Кристиан, заметив неподвижность своей гостьи.

– И не такое видела, – отрезала Саша холодно и добавила: – Сколько у меня времени на твоей... экзамен?

– Не скажу, – он поставил на стол кружку с кофе. Затем расположился перед Сашей, опираясь на подоконник и стал ненавязчиво наблюдать. Девушка в который раз ощутила себя предметом неодушевленным под этим бесстрастным вниманием.

«Ладно. Если я хочу втереться в доверие, придется играть».

Она смотрела на фото и слышала вопль.

Чувствовать чужую боль, желания, эмоции, находясь среди безумных, стало ее ежедневной пыткой, и ничего хорошего она от повышенной эмпатии никогда не видела. Нередко вся лишняя информация сливалась в сознании Саши в крик. И теперь он появился при взгляде на фото, врезался в уши несмолкаемым звоном, заглушил само время, впился иголками в сердце, вызывая отчаяние.

Раньше она редко занималась убийствами, только случаями мошенничества. Ее знания были беспорядочны и бессистемны, несмотря на пройденные ею курсы. Узнав что-то, она упрямо действовала так, как привыкла, встраивая полученную информацию в свой личный алгоритм.

Саша смотрела на фото глазами убийцы, внимательно оценивая элементы обстановки и характер преступления. Так, глядя на пол, она слышала шаги. Глядя на следы издевательства, чувствовала в собственных ладонях чужую жизнь и мысли.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем Саша повернулась к Кристиану:

– Думаю, я поняла его. Я словно сейчас разговаривала с убийцей.

– Я слушаю, – спокойно произнес он, не сводя с нее оценивающего взгляда.

Саша чувствовала, как мысли разбегаются, и она говорит на выдохе, нервничает, твердит почти наугад. «Мне надо сдать экзамен чтобы он, возможно, вывел меня на улицу. Потом я придумаю что-нибудь. Не станет же он скручивать меня на людях...»

Ей стало страшно, но тон её голоса звучал небрежно, уверенно.

– Убийца – мужчина. Он очень умело мстит за погибшую мать, сестру, девушку, знакомую... но его хладнокровность как-то не вяжется с очень горячим характером убийства. Переоделся ночной бабочкой, не побоялся засветиться на камерах, – она нервно добавила: – Я не знаю, как много мне следует сообщать... Некоторая информация – чистые эмоции...

Кристиан медленно отошел от окна. Что-то изменилось в его лице – возможно, взгляд сделался острее, и Саше стало совсем не по себе.

– Продолжай.

– У него прямая осанка, которую получилось плохо замаскировать даже на каблуках. Это не балетная или танцевальная осанка и не осанка пловца, он – военный. Он брюнет – люди часто выбирают парики противоположного цвета своему натуральному оттенку волос. В его сообщении фраза «никогда не подниму руку». Так говорят мужчины. Женщина бы сказала «не трону» или «не убью». Поднять руку – чисто мужское выражение, – Саша не смотрела на Кристиана из инстинктивного страха увидеть на его лице презрение и насмешку.

– Всегда опираешься на такие ненадежные факторы, как эмоции и речевые обороты? Это рискованно, – равнодушно произнес Кристиан. – И непрофессионально. Что ещё?

– Он очень не хочет больше никого убивать – об этом говорят слёзы. Он взял маркер, приблизился к живому человеку, которого мучил, и зафиксировал слёзы на его лице. Ему было важно это подчеркнуть – момент раскаяния. Но... мне почему-то кажется, что, пусть и нескоро, но он убьёт вновь.

– Почему? Каков критерий?

– Я не знаю, – она ссутулилась еще сильнее. – Просто... чувствую.

– А может он, нарисовав контуры слёз, хотел подчеркнуть боль другого, которой наслаждался?

– Нет, – категорично ответила Саша, забыв о неуверенности. – Если бы он наслаждался болью другого человека, плевать ему было бы на маркер. Он бы получал кайф в процессе от зверств. И, может, фотографировал бы для себя лично. Слёзы – это в данном случае сантименты, на которых сделан жирный акцент. Он сочувствовал убийце. Он убивал так, как убивает нормальный, но доведённый до отчаяния человек. Сам характер убийства – сложно спланированный, зрелищный, полный символизма – говорит о том, что он потратил немало времени на подготовку, – Саша приблизила лицо к монитору. – Ему будто совершенно нечего терять. Словно в жизни его ничего не было, кроме подготовки к этому убийству. Не важно, кто окружал его и как он жил, все мысли его занимало это преступление. И ничего больше.

– И как он повёл себя после убийства? – спросил Кристиан, продолжая смотреть на Сашу.

Некоторое время она не отвечала, предельно внимательно рассматривая фото.

– Не оставил следов. Долгое время жил этим убийством. Нечего терять, – бормотала она себе под нос. – Оставил сообщение. У меня слишком мало информации...

– И всё-таки.

– Он должен посетить того, за кого отомстил, – ответила Саша.

– Обязательно. Потом он должен покинуть город и отправиться туда, где ему будет спокойно.

Саша агрессивно сдвинула брови и поджала губы. Ее колючий взгляд коснулся лица детектива, скрупулезно его изучая. На сей раз она говорила без всякого страха.

– Достаточно! Теперь расскажи больше о моих родственниках, – продолжал Кристиан. Он не изменил ни лица, ни своей позы.

Саша вздохнула, повернулась к нему.

– Судя по всему, тебя воспитывали, зная о твоём диагнозе, отнеслись к этому ответственно. Ты должен быть маньяком. Тут почти без вариантов. Но... ты им не стал. В тебе есть невероятное умение контролировать себя, самодисциплина, аккуратность, ты работаешь с полицией. Ты много раз уже мог поиздеваться надо мной, и я видела, что тебе этого хотелось. Но ты сдерживался, и тебе даётся это непросто. Сам к такому ты прийти не смог бы, садисты не так устроены, а психопатия у тебя врождённая. Выходит, это влияние значимых взрослых. Вероятно, отец. Будь это мать, всё окончилось бы плачевно, потому что ты ненавидишь её. Предположу, что родители занимают должности, заставляющие их много общаться с людьми. Возможно, в плане наставничества или опекуна – профессия врача, учителя или военного, – она задумалась, цепким взглядом изучая лицо Кристиана. – Ты думаешь, что в чем-то сильно провинился. Это – не совесть. И ты не коришь себя за психопатию. Ты действительно сделал нечто ужасное. Чтобы воспитать тебя таким, тебе требовалось уделять максимум времени. Младших родственников с такими ответственными родителями у тебя нет, хотя... – она нахмурилась. – Нет, я ошиблась. У тебя вполне может быть кто-то именно младше тебя. Если тебя учили брать на себя ответственность за младших, то это тоже могло позитивно сказаться на твоём воспитании.

Кристиан поднял руку и пробормотал уже не холодно, а тихо:

– На этом всё. Для посторонних официально тебя зовут Диана. Ты моя троюродная сестра, за которой меня попросили присмотреть, пока ты находишься проездом в Москве.

Сейчас мы позавтракаем, а потом поедem в морг. В этот раз попытка побега будет стоит тебе сломанной руки и полугода жизни. Я люблю насилие над женщиной, если она сама меня о нём просит, и очень, – он вздохнул, выделяя это слово, – очень не хочу, чтобы ты вынуждала меня идти на подобные меры. Ты же понимаешь, что я на них пойду, верно? Или требуется доказательство?

– Нет, я успела убедиться в том, насколько ты...

– Осторожно.

– То, что я этого не произнесу вслух, ни разу не означает, что я не буду так думать.

– Сколько хочешь. Но мы позже обговорим вопрос нашего устного общения.

– Кристиан, – она покачала головой, подняв плечи, – я не думаю, что смогу общаться с кем-то.

– Со мной ты общаешься.

– Ты хорошо меня видишь? – огрызнулась она.

Она права. Я не внимателен к её внешним проявлениям. Сейчас она сидит, вжав голову в плечи, руки её сильно дрожат, она дёргается всякий раз, когда я начинаю ходить и нервно оглядывается, когда я у неё за спиной.

– Ян слова не смогу произнести толком. Буду запинаться, нести околесицу и трястись.

– Понятно. Я дам тебе успокоительное. Разговаривать тебе не требуется вообще. Просто будь рядом и наблюдай.

– Нам обязательно идти туда, где много людей? – нервно спросила Саша.

– Как ты выживала в больнице?

Подумав, она сказала:

– Я пряталась за книгой, могла сильно уйти в себя. Но среди нормальных людей я буду выглядеть странно... – в голосе её начинала звенеть паника. – Они поймут. Они увидят, что я – ненормальная, – Саша стала нервно скрести ногтями ранку у своего подбородка.

Кристиан вздохнул:

– Да, ты выглядишь не лучшим образом. Но успокоительное тебе поможет. Я дам тебе блокнот. На людей можешь не смотреть.

Саша дрожала:

– Ты сам виноват. Если кто-то поймёт, что я ненормальная, не обвиняй меня в этом. Я около года не была среди людей. Вокруг меня всегда были психи. И теперь я знаю, что все нормальные люди – это жестокие мрази. Двуличные и злые. Каждый, без исключения, безумец под маской обыденности.

– Даже твоя семья?

Саша, подумав, пробормотала:

– Их я теперь тоже очень боюсь.

«Их взглядов. Их реакции на меня».

* * *

Наблюдая за ней, Кристиан заметил ее неуклюжесть, постоянную дрожь в руках. Саша страдала острой формой социофобии, и выглядело это временами жалко. В каждом движении ее тела просачивалось затаённое сомнение, даже если она просто брала при ком-то в руку столовый прибор. Она почти никогда не разжимала кулаков, если ладони ее были свободны. В отсутствии надобности лицемерия ее мимика приобретала расслабленность и неподвижность,

взгляд выражал постоянный вопрос: «А я точно существую? Вы уверены? А я правильно существую? Никому не мешаю?»

По дороге в морт они заехали к парикмахеру. Псевдосестре Кристиана требовалось сменить причёску и хоть как-то привести себя в порядок.

Там отрезали ее длинные, тонкие и вечно спутанные волосы, сделав стрижку гораздо более аккуратной и строгой. Она преобразила внешность лишь в сторону неузнаваемости, но не красоты – это было бы невозможно с лицом Саши без использования качественной косметики. Седая прядь выглядела выкрашенной в серебристый цвет, словно бы дань моде.

Затем они заехали на рынок. Она боялась чистых, зеркальных поверхностей, глянцевого блеска пола и ослепительных люстр.

Торопясь уйти, Саша взяла себе свитер потеплее, шапку и кроссовки, даже не заметив, что они мужские. Это была не скромность, а бытовая расчетливость.

Она шла к машине за Кристианом и оглядывалась, понимая, что сбежать сейчас ей ничего не стоит. Ей хотелось сделать это, и угрозы Кристиана не слишком её останавливали. Но в голове ярко вспыхнуло воспоминание, показавшееся ей в ту секунду физически осязаемым. Воспоминание того, как она читала характер преступника с фотографии. Саша силилась понять, что именно тогда случилось с ней – яркая вспышка озарила сознание, переключила крохотный рычаг в ее больном естестве, завела давно уснувший механизм...

Саша стояла перед BMW и смотрела на окно машины, по которому стекали растаявшие снежинки. Возможно, больше случая сбежать не представится. Кристиан, не глядя на нее, что-то просматривал в своем телефоне. Он быстро набирал текстовое сообщение. Мелкий снег таял на его шее, неприкрытой шарфом, ветер нещадно трепал светлые волосы, аккуратно, но просто собранные в хвост. Рынок кричал и жил множеством запахов, голосов, и бытие всего и сразу обострилось кончиком копья, вонзившегося в грудь Саши непреложным намерением, осознанием – более важным, чем вся ее жизнь на тот момент.

Она возненавидела Фишера и не считала необходимым с его стороны спрятать ее в клинику на десять месяцев. Он сказал ей: мне нужен солдат, а не работник. Требуется тот, кто положит жизнь на помощь Кристиану – этого она делать не собиралась.

– Ты узнал, почему Марина покончила с собой, прыгнув с моста? – спросила Саша. В простом вопросе крылся подвох, но Фишер не умел ощущать такие вещи, он ответил, не глядя на девушку и не считая нужным врать:

– Нет. Хотя до сих пор намерен это узнать. И узнаю.

– Зачем тебе это? – требовательно спросила она.

– Что ты испытываешь, когда тебе удаётся прочитать зло в человеке, найти его корень?

– Досаду, – вздохнула Саша, нервно пожимая плечами. – Радость от разгаданной загадки.

Печаль.

– Откуда печаль и досада?

– Потому что даже если я найду этот корень, прочту человека, это ничего не изменит. Я не смогу поймать его, не смогу сделать так, чтобы он больше не причинял зла.

Кристиан посмотрел ей в глаза:

– А я смогу.

В ту секунду она приняла самостоятельное решение: пока не сбежать.

Таков бич всех неплохих людей – ужасно хотеть стать необходимым, вписаться в общую картину социума, чтобы поддержать ее, даже если втайне они ее ненавидят.

Она решительно потянула на себя дверь пассажирского сиденья и столкнулась взглядом с Кристианом. Саша была готова поклясться, что в ту секунду его глаза смеялись.

Я бы сравнил ее с горгульей из-за ее угловатости, вечно склоненной вперед шеи и тощих рук. Наверное, другие люди заметили бы ее красивое сердце. Я же видел в ней фонарик, без которого пришлось бы искать моих чудовищ на ощупь.

* * *

Судебно-медицинский морг между небольшим кладбищем и набережной, носящей грустное название «Госпитальная», был сразу не заметен с дороги. К нему примыкал корпус, где расположилась лаборатория. Неряшливая, грязная территория двора, требующая ремонта, здание крематория... Тонкие осины и клены росли здесь беспорядочно, в их сломанных ветвях притаились галки – таково было последнее пристанище убитых, забытых и истерзанных. Со стороны пропускной будки слышался смех – на холоде охранники согривались горячим чаем в термосе.

– Привет, Кристиан, – немолодой уже мужчина в ватнике без интереса посмотрел на Сашу и помахал рукой детективу. – Она пришла, ты вовремя.

Она – Вера – была лучшим медицинским экспертом в царстве мертвых, талантливым криминалистом, химиком, и Кристиан прекрасно это знал. И использовал её.

Покалеченный временем и колёсами машин, асфальтированный подъезд вел на неопрятную внутреннюю территорию морга, заставленную редкими автомобилями.

Неприятно звонкий голос Веры разносился по коридору, пока она ругала какого-то нерадивого лаборанта, и это значило, что она – не в настроении. Саша на всякий случай спряталась за спину Фишера. Ей стало страшно. Ноги подгибались, в горле пересохло. Она каждую секунду старалась следить за своей мимикой, чтобы на ней случайно не отобразился ужас.

Увидев Кристиана, Вера отпустила свою жертву и, недобро сдвинув брови, зашагала к нему навстречу. Он сразу заметила возле детектива застывшую незнакомку. Саша улыбнулась вежливо и слегка виновато.

– Этот тип тащит сюда исключительно тех, кого намерен от себя отвадить, – скептически сообщила ей Вера вместо приветствия.

– Моя сестра. Полжизни не виделась, но теперь таскается за мной везде, тоже хочет стать детективом, – усмехнувшись сказал Кристиан. – А еще мне нужно взглянуть на труп. Ей тоже.

Вера едва удостоила девушку вниманием, подчеркивая то, что намерена разбираться с нахальным Фишером:

– Крис, ты – одно дело, но ей – не положено.

– Ничего страшного, – робко вмещалась Саша. – Кристиан всё равно не верит, что я на что-то схожусь, – она нервно и беспомощно улыбнулась.

– Ну, конечно, он же всех умней, – Вера, вскипев, недовольно посмотрела на детектива.

Кристиан мельком, но очень внимательно, взглянул на Сашу. Он выговорил медленно:

– Ты же рухнешь в обморок, если увидишь труп.

– Трупы мне видеть уже приходилось, – тихонько возразила Саша. Вжав голову в плечи, она спрятала руки за спину. – И пока со мной всё в порядке.

– Ты – женщина. С тобой по жизни ничего не может быть в порядке, – прищурился Кристиан.

– Помолчи, – строго цыкнула ему Вера. – Ты, прямо, как мой преподаватель. Тоже думал, раз я – единственная девушка на курсе, значит, можно устроить раздолье для своего шовинизма, за который ему дома достается от властной женушки. Ей разрешается посмотреть на тело, – Вера царственным движением руки сняла с вешалки два медицинских халата и протянула им.

Замечена способность к адаптации. Способность читать людей машинально заставляет Александру видеть слабые места в человеке, на которые можно надавить. Она использует свой беспомощный, неказистый облик, большие глаза и мимику, как инструмент манипуляции. То есть, даже собственную слабость она сейчас использовала, как оружие, чтобы манипулировать Верой и заставить её позволить ей посмотреть на труп.

Это прецедент или она, в принципе, так себя ведет?

В пропитанном холодом и покрытом пожелтевшим, мелким кафелем, помещении, было страшно. Тусклые лампы предсмертно мигали, угрюмый инструментарий и аппаратура походила на части адского механизма. На морозильной камере в углу лежал пакетик из «Макдональдса» и смятые, резиновые перчатки. Сильно воняло хлоркой, а полы блестели – видимо, недавно делали плановую уборку. «Сеня, твои легкие на второй полке снизу, я переложила. Галя», – значилось на желтеньком листочке, на холодильнике. Рядом валялся изрисованный шариковой ручкой резиновый магнит, изображающий Джека-фонаря. С улицы был слышен плач. Из коридора – смешки и чьи-то голоса. Паноптикум.

Саша вместе с Кристианом, прошелестев бахилами, огляделась и ненадолго утратила возможность двигаться из-за увиденного: на вытянутом столе лежало, ничем не прикрытое, тело мужчины.

Это чувство у нее было неконтролируемым – стоит ей лишь на несколько секунд замереть, сконцентрировавшись на человеке, и вот уже Саша представляла себя в его шкуре. Теперь, увидев труп, она почувствовала, что ниточка внимания, протянутая между ними, неожиданно превратилась в гниющую, ноющую пуповину, и тлетворность невозмутимо проедает в солнечном сплетении дыру. Спектр ее чувств нагнетался густым фоном и заглушал звуки. В ее сознании всё стало двигаться плавно, будто под водой.

Кристиан приблизился к телу, засунув руки в карманы, а Вера сказала:

– У вашей преступницы немалая физическая сила.

– Это мужчина. И теперь я вижу больше, – Кристиан сдержанно улыбнулся. – Диана, хочешь взглянуть?

Когда девушка приблизилась к трупу, ее мимика вновь, как вчера ночью, приобрела странное, окаменелое выражение. Говорить при Вере она очень стеснялась, поэтому достала блокнот и стала записывать. Рука у неё сильно дрожала. И чем отчаяннее Саша пыталась это скрыть, тем сильнее она дрожала. Это не укрылось от взора патологоанатома.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Да, я... тороплюсь просто, – Саша неуверенно улыбнулась и снова посмотрела на труп. Набравшись смелости, она произнесла: – Убитый ведь имеет криминальное прошлое, верно?

– Я ещё не проверила. Только закончила заниматься телом. Его пальчики придут ко мне после обеда, – ответила Вера. – А почему ты решила, что это – криминальное прошлое?

Саша сглотнула. Надо отвечать. Она почувствовала, как земля под ее ногами плывёт и вот-вот провалится.

– Элементарно, – внезапно ответил Кристиан. – Тот, кого мы ищем, за что-то ему мстил. По всей видимости, наша жертва совершила преступление. Когда мы узнаем, кто он, сможем в этом убедиться.

– Н-нет, дело не в этом, хотя ход твоих рассуждений логически верный, – наконец, пробормотала Саша. – Просто у него есть физиогномические черты убийцы. Мимические морщины прямо указывают на то, какие эмоции мы выражаем чаще всего. У нервных людей асимметричный рот, как бы постоянная усмешка – один угол губ постоянно поднят и половина верхней губы может быть толще другой, например. Выражение гнева бывает разным и по-разному отображается в морщинах на лице. Например, морщинка у переносицы. Она может быть вертикальной, когда человек хмурится, словно усиленно рассуждает над чем-то. А бывает

горизонтальная морщинка у переносицы. Это выражение гнева, когда надбровные дуги движутся вниз, к носу. Это говорит не только о постоянной гневливости и тяжёлом характере, но ещё и о потенциальной способности убить. Эта морщинка передалась нам от наших агрессивных предков.

– То есть, дело только в одной морщинке? – с сомнением спросила Вера.

– Нет, конечно. Она, вообще-то, часто встречается у мужчин его возраста. Один фактор может ничего не значить. Но у него при этом тяжёлая челюсть, очень тонкие, втянутые губы, глубоко посаженные глаза и скошенный затылок. И это – не считая деталей на руках. Когда признаков очень много, это уже не совпадение, – попыталась оправдаться Саша. – При этом они ничем не уравниваются. Я бы сомневалась, если бы у него были ровные пальцы или другая форма глаз и ушей.

– Тогда выходит, что каждый преступник должен обладать такими признаками.

– Признаков много, они у каждого проявляются индивидуально, – с охотой отозвалась Саша. – Вот, например, вы. У вас большие глаза, но при этом тяжёлый подбородок и небольшой рот. С виду кажется, что вы хрупкая, ранимая девушка, но у вас непростой характер, вы упрямы, умны, в то же время взбалмошны. Такой, как вы, лучше не давать должность начальника или директора, потому что вы не умеете контролировать свою любовь к власти.

– Так, хватит, – нахмурился Кристиан. – Я здесь не за этим. Ты впечатлишь её в другой раз, ладно?

– Не выносит, когда кто-то перетягивает одеяло на себя, – тихо заметила Саше Вера. – Видела бы ты, как он работает с Димой вместе.

Кристиан, перестав обращать внимание на патологоанатома, требовательно спросил:

– Почему убийца провел с ним много времени? По времени всё, что он сделал в хостеле, уместится в один час, но преступник скрылся на рассвете. Что он там всё время делал?

Саша молчала. Потом ответила тихо, продолжая смотреть на труп:

– Он разговаривал.

Кристиан заинтересованно прищурился, словно строгий профессор математики на экзамене или инквизитор на допросе.

– Жертва умерла за несколько часов до ухода убийцы. Едва ли он общался с трупом.

– Тем не менее, он говорил. Он долго планировал это убийство, долго старался. Это была его возможность выговориться. Возможно, имел место монолог...

Детектив переглянулся с девушкой, и та окоченела под его бесстрастным взглядом.

– Всё ясно, – и Кристиан, забыв про свою временную помощницу, быстрым шагом вышел из комнаты.

Саша собралась выскользнуть за ним, но Вера её остановила:

– Подожди. Выходит, ты сестра Кристиана? Я никогда о тебе не слышала.

«Проклятье!»

– Трояродная, да, – Саша смотрела в пол. Без Кристиана ей стало гораздо труднее держать себя в руках.

– Я не могла не заметить. Ты... боишься его?

Саша подняла на неё взгляд и потрясла головой:

– Конечно, нет. Просто в моргах мне и правда неуютно. Трупов я не боюсь, а вот сама атмосфера – давящая.

Она умела врать, придумывать на ходу и играть. Много раз она притворялась перед медсестрами и опасными больными. Провести Веру труда не составило.

– Понятно. Что ж, надеюсь, вы сработаетесь. Крис один берёт на себя все дела, а помощники ему попадались бестолковые. Ты здорово разбираешься в физиогномике. Отпечатки пальцев тоже изучала?

– Конечно. Ещё графологию, сетевой профайлинг, изучение походки, мимики, привычек, предметного мира вокруг человека...

– Ого! И такая юная еще. Я тоже моргов сначала немного боялась, но потом привыкла. Ну, не стану тебя задерживать, – дружелюбно улыбнулась она.

Саша попрощалась с Верой и поспешила выйти в коридор.

Голова у неё кружилась, к горлу подступала тошнота. Она почувствовала, что пол перед глазами качается, а потом реальность помутнела, и Саша поняла, что плачет. Потом кто-то взял её под руку. Это был Кристиан. В первую секунду она отскочила от него, как ошпаренная. Вырвавшись, она пошла сама, чуть успокоившись.

– Очень неплохо для человека, вроде тебя, – заметил Кристиан.

Саша молчала. Её не хватало на ответ.

– Похоже, нужно дать тебе немного отдохнуть. Будь так добра, не высовывайся больше. Я уже успел оценить твои мозги и демонстрации не требуется.

«Это не ради тебя, – подумала она, посмотрев на него с ненавистью.

– Просто мне тоже интересно стало. Всё равно, я вроде как пытаюсь к тебе в доверие втереться».

– Ты узнал там всё, что хотел? Так быстро? – вяло спросила она, садясь в машину.

– Да.

– И что ты узнал?

– Их в любом случае надо поймать, – ответил Кристиан. – Хотя мне и не хочется. Но надо кое-что проверить.

– Их? – нахмурилась Саша.

– Конечно.

Фишер больше ничего добавлять не захотел, но Саша в упор не могла понять ход его размышлений:

– То есть, у него был сообщник? Почему ты так подумал?

Кристиан пожал плечами, процедил:

– Отстань!

– Не хочешь блеснуть интеллектом?

– Нет!

– Если ты не будешь со мной делиться, я не смогу работать в полную силу.

Манипуляция сработала. Кристиан, подумав, заговорил:

– Убитый – не здешний, перебивался от заработка к заработку на стройках. Зарплаты ему хватало только на то, чтобы снимать койко-место в квартире. Не сидел. Дело в том, что бетонная пыль содержит в своем составе измельченный песок. Чаще всего он – сланцевый, а значит, въедается в кожу рук, его проблематично вывести, и на ладонях остается едва заметный, светлый осадок. Вывод: убитый работал на стройке.

– Почему не на заводе?

– Ты внимательно изучала фото?

– Да.

– Нет, – резко ответил Кристиан. – Иначе бы ты заметила среди вещей убитого лист с расписанием, написанным шариковой ручкой, а также список улиц. Там везде ведутся строительные работы от одного и того же застройщика. Ты упомянула, что преступник разговаривал после убийства, но не знала, с кем. Это – не монолог. В комнате нет никаких посторонних следов, кроме тех, что оставили в ковре туфли на шпильке, но я заметил запахнутое окно. Ни на нём, ни под ним ничего не найдено, но сообщник пробрался именно так – ему открыли изнутри, когда началось представление. Я сомневался в этом, конечно. А потом сосредоточился на шрамах, которые свидетельствовали о борьбе. Он отбивался не от одного человека,

а от двух. Второй появился позже. Я не люблю объяснять, Александра, – добавил он. – Меня раздражает чувство потерянного времени.

– Куда мы едем? – резко спросила Саша.

– Менять тебе бинты для начала. И прекрати головой вертеть.

* * *

Вера показалась Саше хорошим человеком. Она явно была не в курсе чудовищной природы своего друга. И он действительно помогает расследовать какое-то дело полиции, хотя зачем-то врёт, что не ловит преступников.

«Он мог бы просто пригласить меня работать, – думала Саша с раздражением, обидой и досадой. – А вместо этого зачем-то запихал меня в психушку и начал мучить. Он сказал, что ему нужен солдат, а не помощник. Он сказал, что не ловит преступников. Я не понимаю ничего! И не уверена, что хочу понимать. Мне нужно только вычислить момент, когда я смогу сбежать. И следует быть очень осторожной, ведь я не смогу убежать к семье...»

Вот почему теперь она думала о Вере. Патологоанатом могла стать неплохим её шансом припереть Кристиана к стене. Осталось чуть-чуть подождать. Саша запомнила адрес ее работы. И она знает теперь, что ей сказать, когда она увидится с ней в следующий раз...

«Ты пытаешься создать условия для Стокгольмского синдрома, – думала Саша, глядя на Кристиана. – Ничего у тебя не выйдет. Подожди немного, я тебе еще отплачу за то, что ты сделал с моей жизнью».

Кристиан вошел с девушкой на кухню и вытащил аптечку. Он аккуратно снял фиксирующий воротник, и она подавила желание почесать шею. Бережно, что противоречило его тону и характеру, он размотал пояс, препятствовавший кровотечению.

– Ты почему не дышишь? – строго спросил он, внимательно рассматривая рану.

Саша нервно призналась сквозь сжатые губы:

– А как думаешь сам? Просто жду, когда ты закончишь.

Она зажмурилась от искреннего неприятия и отвращения. Ее ладони сами сжались в кулачки. Ей казалось само его дыхание тлетворным, как у ходячего мертвеца.

Кристиан игнорировал это и никак не прокомментировал её ответ. Ваткой со спиртом он протер рану и смог рассмотреть ее лучше. Если бы порез оказался глубже хотя бы на один миллиметр, спасти девушку было бы невозможно.

Он наложил на шею аккуратную повязку и снова надел ей фиксирующий воротник. Затем подался назад и сказал, глядя куда-то в сторону:

– На данный момент ты полезна, только если жива. Ты успела засветиться перед моими знакомыми, так что умереть я тебе не позволю. Теперь, если ты от меня убежишь, я сломаю тебе ноги.

Слова звучали сухо, как из динамиков магнитофона.

– Ты же понимаешь, что тогда со мной точно нельзя будет договориться, – осторожно заметила Саша.

– Просто найду тебе замену, – не смутился он. – Смерть инвалида от несчастного случая подстроить легче, чем убить недавно найденную, здоровую сестренку, понимаешь? Так что сначала я сломаю тебе ноги. Это будет страшная трагедия. А потом еще осложнение, внезапный тромбоз из-за случайного заражения крови – ты ведь к себе так неаккуратна.

Он медленно повернул к ней голову, и Саша почувствовала себя добычей динозавра. Она молчала, всматриваясь в неподвижное лицо манекена и не знала, что сказать, как не знала бы, что на это сказать мёртвому зайцу. Неприятный спазм в горле не позволял ей говорить.

– Тебе придется так или иначе со мной сотрудничать. Воротник будет на твоей шее еще сутки, ты неуклюжа и вечно вертишь головой. Позволь уточнить, ты не собираешься сейчас умирать?

Саша мрачно прошипела:

– Пока нет.

– Предупреди, если захочется.

– И что тогда?

– Пристегну тебя наручниками к кровати и некоторое время ты будешь питаться большим количеством сладкого. Это чуть-чуть поднимет уровень эндорфинов. Кстати, хочешь конфетку?

* * *

Саша сидела на кухне уже почти два часа. Порой Кристиан видел ее с закрытыми глазами. Он не нарушал ее одиночества, а она и не думала общаться с ним. Иногда ему казалось, что даже не наблюдая за Фишером, Саша всё-таки видит его сквозь стену, отделяющую кухню от кабинета. Это постоянное ощущение присутствия было Кристиану неприятно и незнакомо.

Когда пришло письмо, детектив сидел в соседней комнате. Едва он нажал курсором мышки по иконке почты два раза, как Саша открыла глаза, снова ощутило напряглась и нахмурилась, не заметив, как задержала дыхание. Поэтому, когда Кристиан зашел на кухню, она смотрела на него без удивления, с ожиданием:

– Есть результат анализа отпечатков пальцев убитого? Ты стал клацать мышкой и клавишами более быстро.

«Это не внимательность, а следствие ее всегдашнего напряжения. Многие люди долго не выдерживают в подобном состоянии», – немедленно рассудил Кристиан.

– Его зовут Артур Асламбеков. Сорок три года, не женат, дважды разведён, не служил. У нас есть его адрес. Официального места работы нет. Его задерживали два раза в позапрошлом году по подозрению в изнасиловании и убийство девушек, один раз по подозрению в краже. Отпускали. Я дал запрос Диме поднять подробности всех случаев его задержания.

Саша оживленно спросила, подняв брови:

– Слушай, если наш мститель знал, кому именно мстить, то мы можем совсем скоро его найти. И это объясняет, почему убийца постарался избавиться от документов. В том хостеле не было регистрации по паспорту.

Внезапно она поняла, что выпалила это искренне. Ей становилось *интересно* это расследование.

– Да, вероятно, скоро мы вычислим преступника, – отозвался Кристиан безразлично. – Пока что поедем на тот адрес, который указан у Артура адресом прописки. Придется контактировать с ненадежными элементами, – и пояснил на взгляд Саши: – с людьми. Ты едешь со мной, но не вмешиваешься. Просто смотришь, как я допрашиваю, делаешь заметки, ясно?

– Это я могу. А когда уже закончится твой экзамен?

«И что, чёрт возьми, будет потом? Когда ты дашь мне возможность поболтать с Верой наедине?»

– Сначала поймем убийцу. Потом мы вернёмся к проблеме, которая раздражает меня уже год. Потом я займусь перепиской твоей жизни. Нужно менять тебе имя и дать тебе новое существование. Тогда ты будешь готова к работе со мной.

«Хорошенький план. Давно его проработал. Давно, чётко и быстро. Распорядился моей жизнью, как компьютерной программой, переписав её. Мразь! Ненавижу!»

Вслух она произнесла:

– И работа эта предполагает мою круглосуточную занятость, полагаю?

– Придётся многому тебя учить, многое исправить, а время летит быстро. Так что вряд ли я позволю тебе личную жизнь или отпуск. Семья бы не позволила тебе работать. Она – твоё слабое место. А у тебя не может быть слабых мест, если ты будешь моим инструментом.

У него была манера говорить с людьми словно бы между прочим, по большей части игнорируя сам факт их присутствия. Это взбесило Сашу, и она слабо, издевательски улыбнулась, голос её звучал вкрадчиво:

– И что мешает мне втереться к тебе в доверие, а потом просто кому-нибудь рассказать в подробностях, что ты...

Кристиан повернулся к ней, чуть приподняв бровь, Саша была вынуждена вжаться в стену.

– Что я, например, режу девушек на лоскуты. Или что я питаюсь мясом одиноких старушек, – он неторопливо подошел к ней вплотную, так что Саша была вынуждена ощущать это приближение физически, как надвигающуюся на неё каменную плиту. – И даже... предъявить доказательства, – его взгляд медленно скользнул от её ключиц к подбородку, губам и глазам, – Александра, – он улыбнулся ядовито-снисходительно, – если ты думаешь использовать Веру или любого другого моего знакомого против меня, то таким образом убьёшь этого человека. И себе навредишь. Ты разозлишь меня, заставишь меня потерять время. Я... *очень* не люблю его терять. У тебя нет ни одного рычага давления на меня. И не будет. Со временем ты станешь тем, кем я хочу тебя видеть, хочешь ты того или нет. Со временем ты уже не захочешь мстить мне.

Саша заставила себя безразлично посмотреть в пол:

– С тобой уже пытались так разобраться, верно?

– Конечно. Один из моих помощников.

– И что с ним стало?

– Пришлось от него избавиться.

– Ты убил его?

– Я уничтожил всю его документальную жизнь и увёз жить в другое место, сказав, что если он вернётся или попытается под меня копать, то его дочь умрёт. Ты показываешь лучшие результаты в короткий срок. Вероятно, придётся тебя убить, если ты подведёшь меня. Но это же хорошо. Ты ведь и так собиралась покончить с собой, верно?

В Москве немало уютных мест, хотя всё же меньше, чем в неустроенных кварталах и улицах Нью-Йорка или Гонконга. Оба этих города мне нравятся больше, чем столица моей родины – они откровенные. Москва – лицемерка. Даже самые неустроенные её улицы пытаются выглядеть прилично или по крайней мере, скучно и убого. Именно на одной из таких улиц проживал Артур Асламбеков.

Александра в машине проводила более полный анализ личности убитого. Он приехал в Россию из-за рубежа, всё его детство прошло в бедности и при деспотичном отце. Он привык к тяжёлому труду и получил плохое образование. Он был чисто по-детски набожен. Не вникал в суть молитв и обрядов и даже не все их знал, но кое-что исполнял. Например, он никогда не ел свинину.

Оказавшись в России, Артур словно бы попал в другой мир – чужой, опасный и злой. Его, как злые чудовища, немедленно окружили соблазны цивилизации, к которым он понемногу привык. Александра написала, что он мог насиловать девушек и убивать их не со зла, а потому что считал это нормой. Конечно, он понимал, что идёт на преступление, но законы чужой страны его не интересовали. Он искренне считал, что женщины – второсортные существа, вроде домашнего скота или старого авто. А женщины другой страны и религии – просто ходячие подстилки и добыча. Но это не мешало ему соблюдать собственные нехитрые принципы. Он строго уважал старших, никогда не предал бы своего брата и любил Аллаха. Словом, Артур являлся наполовину животным по устройству своего внутреннего мира. Его злоба

была наивной, как у шакала. Он творил зло только потому, что считал его нормой. Если бы ему сказали, что у женщины тоже есть внутренний мир, он бы открыто рассмеялся, как над глупостью, сказанной ребёнком.

В Москве он жил в большой квартире старого трехэтажного дома, далеко от центра. Исправно платил за койку. Помимо него там были прописаны ещё пятнадцать человек.

Кристиан открыл дверь подъезда со сломанным кодовым замком и поднялся на второй этаж. Саша следовала за ним, брезгливо оглядываясь. Разумеется, Фишеру никто не отвечал на его стук, и дверь никто открывать не собирался. Тогда детектив вздохнул:

– Мне очень нужно посмотреть, что там внутри.

Он достал из рюкзака небольшой набор с инструментами и к изумлению Саши, начал взламывать дверь.

– Отойди от двери к окну, – приказал он.

Девушка отступила и оглянулась. Ей снова захотелось бежать.

«Мне просто нужно найти любого прохожего, который даст мне позвонить. Телефон отца я наизусть помню...» Саша представила себе, как убегает. Кристиан это заметит, разозлится. Потом он найдёт её, и к тому времени Саша уже встретится с семьёй, обнимет родителей. Что тогда сделает детектив? Он будет очень зол и захочет стереть все следы истории с Сашей. Он устранил её физически и заставит её семью молчать об этом.

«Я уже успела понять, что у него плотные связи с полицией. Этот Дима, с которым он сотрудничает, вроде бы работает в Следственном комитете. И наверняка этот человек – не единственный. Мне нужно действовать более тонко, если я не хочу ни на кого навлечь беду».

Пока она рассуждала и боролась с острым желанием сбежать, Кристиан взломал дверь. Саша увидела в прихожей несколько мужчин от тридцати до сорока лет. Они кричали на детектива. Неожиданно Фишер на каком-то незнакомом, гортанном языке что-то громко сказал им. Всего несколько фраз, но кричать на него перестали.

– Я не из полиции, – пояснил им Кристиан на чистом азербайджанском. – Я просто хочу кое-что у вас спросить. Среди вас жил человек по имени Артур Асламбеков. Расскажите мне о нём, и я уйду.

– А зачем он тебе? – хмуро спросил самый молодой из них.

– Хочу знать, кто его убил. Может, кто-то из вас на очереди.

Полиции у них, судя по всему, ещё не было.

После этих слов Кристиана впустили в квартиру. Все мужчины выглядели напуганными. Фишер позвал с собой Сашу, и она была вынуждена протиснуться следом за ним. На неё, впрочем, не обратили внимания, принимая за мелкое недоразумение.

– Где он спал? – спросил Фишер.

Ему показали нижнюю койку в одной из комнат. Кристиана больше не боялись. Кто-то спросил, как убили Артура.

– Его тело нашли в хостеле, – ответил детектив. – Ему отрезали детородные органы и заставили их съесть перед зеркалом. Еще его били и пытали.

Это произвело на всех впечатление. Саша оглядывалась, украдкой всех рассматривала, пока Кристиан о чём-то говорил с мужчинами на незнакомом ей языке. Она тихонько тронула Фишера за плечо и еле слышно произнесла:

– Тот парень у двери в комнату, вероятно, ползет тебе. Но... не точно. Это просто моя догадка.

Мужчина, на которого указала Саша, был самым худым из всех. Он выглядел больным. Стройный, с узким лицом и красивыми, карими глазами, под которыми пролегали глубокие круги, он слабо выделялся среди прочих.

– Он не слишком удивился тому, что ты им говоришь, – пояснила Саша. – И я чувствую его иначе, нежели остальных.

– Как тебя зовут? – спросил Кристиан, обращаясь к молодому человеку.

– Муслим, – ответил тот тихо и хрипло.

– У Артура могли быть враги? Может, он поглядывал на чью-то женщину, – предположил Кристиан.

– Это не моё дело, – быстро ответил мужчина, нервно смотря вниз. – Я не смотрю, чем все занимаются. Тут у всех своя жизнь.

– Артур бы никогда не увёл женщину у другого мужчины, – нахмурился кто-то ещё. – Его подло и позорно убили за то, что он – не русский!

– Возможно, – солгал Кристиан. – Но тогда и вы все в опасности. Вам нужно вспомнить всех, кто мог бы желать Артуру зла, – он внимательно посмотрел на Муслима.

– Он не хочет говорить с тобой при всех, – прошептала Саша так, чтобы её услышал только Кристиан.

– Пару раз к нему уже приходили из полиции, искали его. Нашли на работе. Его подозревали в деле об изнасиловании, – внезапно сказал ещё кто-то. – Нас всегда подозревают, как будто мы звери какие-то. Да мы в жизни женщину не обидим, – он посмотрел на Сашу, и она сразу опустила взгляд.

– Вот ты, не побоялся сюда со своей женщиной прийти. Потому что мы – нормальные люди. А для русских мы же все на одно лицо! Артур никого не трогал. Работал, как проклятый, деньги домой отсылал, мечтал на родину вернуться. Никому тут ваша Москва не нравится. Просто приходится жить как-то...

Этого человека горячо поддержали.

– Хорошо. Спасибо за информацию. Я буду искать дальше, – решил завершить этот разговор Кристиан и незаметно пробормотал Муслиму: – Выйди на пятнадцать минут из дома, мне нужно с тобой поговорить без чужих ушей.

Муслим отрицательно качнул головой, а Кристиан чуть крепче сжал его плечо:

– Я не из полиции, но могу её сюда привести, и сказать всем, что это – твоя вина.

Затем Кристиан и Саша вышли из квартиры.

Саша была рада выбраться на свежий воздух. Голова у неё кружилась от страха и духоты. Кристиан посмотрел на неё и неожиданно произнёс не так сухо, как обычно:

– Спасибо. Потерпи немного, потом перекусим где-нибудь. Тебе нужно поднимать уровень гемоглобина. Как ты поняла, что мне нужен именно тот парень?

– Я тоже не люблю объяснять, Крис, – устало произнесла Саша.

– Просто пытаюсь понять логику.

– Она не всегда есть, – призналась она, поняв, что слишком утомлена для игр и лжи. – В той квартире я не понимала, что ты им говоришь, но видела, как все напуганы и удивлены. Я чувствовала всеобщий переполох и возбуждение. В общем эмоциональном фоне кто-то ощущал совсем иные эмоции. Я обратила внимание на человека, который был не слишком удивлён. Он был озадачен, мрачен, и смерть Артура его совсем не огорчила. Мне кажется, он даже испытал облегчение от этой новости. Я наблюдала за его мимикой, но по большей части, я доверяю своей эмпатии и умению автоматически считывать чужие эмоции.

– Неплохо.

Саша нахмурилась, услышав похвалу.

«А теперь он погладил моё самомнение. Не работает. Я и без тебя знаю, что классно справляюсь, Кристиан. Засунь себе свой Стокгольмский синдром знаешь, куда?»

Муслим вышел из подъезда и закурил. Кристиан подошёл к нему и сказал по-русски:

– Я не думаю, что ты замешан в смерти Артура, но мне нужно знать, что тебе известно.

– А мне ничего не известно, – ответил тот. – Просто догадки и наблюдения. Ты же видел, как мы живём. Тут все у всех на виду. Я, вообще-то, учусь и работаю. Сейчас заболел, меня домой отправили. Здесь – все нормальные, но Артур – он другой человек. Остальные не слишком внимательны, понимаешь? Один раз у одного из нас был день рождения, все напились и меня заставили. И пошли разговоры о женщинах, – он посмотрел на Сашу смущённо. – Ну... в общем...

– Нормально, я всё понимаю, – быстро сказала Саша. – Рассказывай.

– М-да, – он посмотрел на свои ботинки. – Там все делились всякими подробностями... кому блондинки нравятся, кому тёмные. И вот Артур сказал, что нет никого лучше, чем молоденькая блондинка, которая от тебя отбивается. Что он почувствовал себя настоящим охотником, мужчиной. Он рассказывал с такими подробностями, что я протрезвел. Никто тогда ничего не понял. Но я догадался, что он изнасиловал девушку. Что это он не про игру в постели рассказывает, а про реальное насилие. И я ещё тогда вспомнил... Один раз он со смены вернулся позже обычного. И не уставший, а какой-то взбудораженный. Кто-то ещё спросил, где его рабочая форма, а тот сказал, что переоделся прямо на работе и оставил форму там. Я решил, что он – на наркотиках. Он долго мыл руки, потом курил, временами улыбался, и глаза у него так блестели.

– Когда это было?

– В ноябре прошлого года, но я не уверен. Осенью, когда похолодало, – ответил Муслим. – Но ещё до первого снега. Поймите, это же всё только наблюдения мои. Никто этих слов не подтвердит, и на суде я точно никаким свидетелем не буду.

– Не беспокойся об этом, – ответил Кристиан. – Я не имею отношения к полиции.

Перед тем, как сесть в машину, Саша приняла одну таблетку препарата от укачивания и постояла немного на улице. Она рассеянно смотрела по сторонам. Кристиан, открыв дверь машины, сидел в водительском кресле и внимательно просматривал блокнот своей стажерки-ассистентки.

– Поехали, перекусим, – спокойно сказал он.

Саша молча села в машину. Она утомлённо откинулась на спинку сидения.

– Ты и правда помогаешь раскрывать преступления. И ты не убиваешь подозреваемых – это бы быстро вскрылось. То есть, ты помогаешь сажать за решётку реальных преступников. Благое дело, – медленно произнесла она.

Кристиан молчал.

– Не взирая на то, что ты – психопат, я бы согласилась с тобой работать, если бы ты просто подошёл ко мне и предложил это, – резюмировала она устало.

– Я не люблю повторяться, Александра. Мне не нужен помощник, мне нужен солдат.

– Зачем?

– Потерпи, ты всё поймёшь со временем. Я пробовал нанимать себе помощников, это не эффективно. Где ты хочешь перекусить? – Кристиан запустил навигатор.

– Так, – она иронично закатила глаза. – Ну... я хочу стейк с кровью и кофе по-венски.

Кристиан секунду подумал, а потом набрал в навигаторе какой-то адрес. Саша настороженно нахмурилась:

– Куда мы едем?

– В единственное место в городе, где хорошо умеют готовить стейки с кровью.

– Эй, перестань, я же пошутила! – испугалась Саша. – Не нужны мне никакие стейки. Я, вообще, не хочу в общественное место, мне там страшно. Просто давай вернёмся в агентство,

и я сама что-нибудь себе приготовлю. По дороге возьмём где-нибудь кофе, – она смотрела на него озадаченно. – Ты собрался кормить меня тем, чем я захочу?

– Почему тебя это так удивляет?

– Ну... не знаю! Может, потому что ты упрятал мне насильно в психиатрическую клинику, оторвав от семьи?!

– У всего есть свои причины, Александра, – ответил он хладнокровно.

– Не пытайся быть со мной добрым, это не сработает, – предупредила она. – Я не дура. Я не позволю собой манипулировать. Как бы ты ни был якобы добр, я знаю, кто ты. И я хорошо изучила техники психопатов. Учти это.

– Ты не могла бы помолчать? Мне нравится думать за рулём, – перебил он, по всей видимости, пропуская её слова мимо ушей.

Я не пытаюсь быть с тобой добрым. Я никогда не притворяюсь, потому что не умею. Я говорю и действую откровенно касательно своих намерений, просто ты к такому не привыкла. Причина моей заботы: на данный момент ты просто нужна мне эффективной. Ты потеряла много крови, твой выбор пищи показался мне адекватным, и я с ним согласился. Я просто делаю вклад в продуктивность собственной работы.

Интересно, как расшифровывается этот её взгляд? Она похожа на очень удивлённого лягушонка. Но я всегда ошибаюсь в интерпретации чувств других людей.

– Что значит этот взгляд? – поинтересовался Кристиан.

– Замешательство и злость, – ответила она, пожимая плечами.

Ни за что не догадался бы!

* * *

Саша сидела на подоконнике, пока Кристиан готовил. Видя, как у неё дрожат руки, он запретил ей прикасаться к ножам.

Он готовил для неё.

Вид у девушки был опустошённый. Она механически прокручивала в голове прошедший день. Потом представила, как возвращается домой. Мысль об этом отозвалась в ней с непривычной печалью, и Саша захотела разобраться в её причине.

Сегодня она помогала Кристиану в поимке преступника. Это было страшно, неприятно и очень непросто. Долгое время она мечтала о такой работе, но не хотела получать её тем способом, которым получила теперь. Она ненавидела Кристиана и несмотря ни на что, сердце её горело страстным желанием отомстить ему за то, что он сделал.

– Сегодня ты снова спишь с наручником, – сообщил Кристиан, не оборачиваясь на неё. – У меня нет желания тебя приковывать, но ты вроде бы меня ненавидишь и каждую свободную минуту думаешь о том, как использовать против меня то, что узнаёшь, попутно отыскивая безопасные для себя способы побега. Я немного облегчу твою задачу. Если ты попытаешься меня убить, как бы я ни был аккуратен, то возможно, я могу тебя покалечить. Даже не пытайся застать меня врасплох ради своей же безопасности. У меня очень чуткий сон, острый слух, прекрасная память и быстрая реакция. Я помню расположение каждого предмета в этой квартире и знаю, что пару раз ты пыталась стащить с кухни нож. Поэтому, как видишь, я их спрятал. Если ты попытаешься искать помощи у моих более адекватных знакомых, я их убью. У меня нет ни одного знакомого, которого я не смог бы заменить другим. Если ты сбежишь от меня, я тебя найду и буду вынужден воздействовать на тебя силовыми методами. Если буду слишком зол, то и убить могу. Если твоя семья окажется как-либо информирована на мой

счёт, мне придётся от них избавиться. Но пока что ты не делала глупостей, поэтому сейчас – относительно свободна, я с тобой вежлив и стараюсь быть бережным, вот и вся логика моего поведения. Если ты будешь адекватна и смиришься с отсутствием у себя выбора на данный момент, я отплачу лояльным к тебе отношением и постепенно дам больше свободы действий. Но увеличение свободы твоих действий – это твоя большая ответственность. Потому что стоит тебе предать меня всего один раз, и я буду вынужден воздействовать на тебя, как на животное, не способное понимать доброе к себе отношение, – он сказал это спокойно и медленно, порой глядя на Сашу, словно пытаясь понять, слышит ли она его.

– Ты должен кое-что понимать, – вздохнула она, решившись быть откровенной. – Даже если я смирюсь, я не перестану тебя ненавидеть. Однажды, Кристиан, ты ошибёшься. Все ошибаются рано или поздно. Понимаешь, держать меня рядом с собой – всё равно, что держать бомбу. Пока что я не взрываюсь только потому, что у меня нет такой возможности. Но как только ты допустишь неточность или ошибку, я попытаюсь сбежать или убить тебя.

– Нет. К тому времени ты уже не будешь пытаться мне отомстить, – уверенно ответил Кристиан.

– Ни одна твоя якобы благородная цель не перечеркнёт того, что я испытала в больнице. Я ненавижу тебя. Я мечтаю увидеть, как ты умрёшь. Я мечтаю обнять своих родителей и всё рассказать им, увидеться со своими друзьями...

– ...продолжить делать вид, что тебе интересно то же, что и им, ходить в нелюбимый университет, никогда не найти себе работу, соответствующую твоим талантам и амбициям, выйти замуж за человека, с которым ты состаришься в скуке и ненависти, заставив заглохнуть работу своего интеллекта. Я всё понимаю, неплохое будущее, большинство так и живёт, – безмятежно ответил Кристиан.

– Ты имеешь право меня ненавидеть, я не против. Но позволь себе немного подождать с выводами. Ненависть ко мне у тебя никуда не денется. И ты, вероятно, никогда меня не простишь. Благо, мне не нужно твоё прощение. Но ты останешься со мной. Отчасти против воли. Отчасти страдая. Ты останешься, Александра, не потому, что я помогаю ловить плохих парней, – он улыбнулся.

– Честно говоря, пожалуй, ты единственный человек, который останется со мной по совершенно невероятной причине... Просто немного подожди. Прошёл ведь только один день нашей совместной работы. Обычно я очень быстро расследую свои дела.

* * *

Пока Саша пыталась уснуть, Кристиан сидел в кресле около неё с ноутбуком на коленях. Он читал материалы, присланные ему следователем.

Третье января две тысячи девятого года – первый привод в полицию по делу об изнасиловании и убийстве. У Артура нашлось алиби – соседи по дому подтвердили, что он был дома. Восемнадцатое ноября – второй привод в полицию по делу об изнасиловании и убийстве. Снова нашлось алиби. На работе подтвердили, что он задержался допоздна. Свидетельские показания давал его прораб. Именно в тот день в ноябре Артур вернулся домой позже обычного и, по словам Муслима, выглядел чрезмерно взбудораженным.

Ноябрьская жертва – шестнадцатилетняя Василиса Арсеньева. Красивая девочка – синие глаза, светлые волосы. Сирота, воспитывалась в приёмной семье, где кроме неё больше детей не было. Отец к тому времени был слеп, семью кормили мать и бабушка. Впрочем, они не бедствовали.

Первая жертва в январе – Сабрина Лыкова, девушка восемнадцати лет. Из бедной, многодетной семьи. Возвращалась домой через парк от подруги, когда на неё напали. Тоже свет-

ловолосая, глаза серо-голубые. Есть старший брат и две младших сестры. Брат недавно вернулся из армии, когда Сабрина погибла...

Он убил одну из вас? Двоих? Или ни одну?

Кристиан закрыл глаза. Он стоял в центре большого тёмного грузового лифта с зеркальными стенами. Перед ним светились семь круглых кнопок с цифрами.

– Где ты? – тихо спросил детектив, подходя к панели с цифрами.

Подумав, он вытащил из кармана блокнот Саши.

– Месть, – пробормотал он, а затем нажал на четвёртую кнопку.

Лифт плавно понёс Кристиана вверх, затем двери беззвучно открылись. Он оказался в большой, пустой комнате с зелёными обоями, стенами и потолком. Фишер огляделся и громко, повелительно сказал:

– Назови своё имя!

В ответ откуда-то из-за стены раздалось приглушённое рычание, словно там стонал обезумевший раненый лев. Стена позади Кристиана заколебалась, будто под давлением невидимых чудовищных лап. Неожиданно всё смолкло. У стены возник старый гроб с открытой крышкой.

Когда Фишер в гнетущей тишине заглянул туда, то увидел лишь окровавленные доски. В комнате стало темнее и холоднее.

– Моя девочка никогда не выйдет замуж, – прохрипел чей-то голос у него за спиной. – Свадебное платье ей слишком велико...

Голова Кристиана закружилась, он открыл глаза.

Монитор по-прежнему светил ему в лицо. На экране застыло изображение фотографий с места преступления. Сабрина – избитая, полуголая и насмерть замученная, – лежала в грудке мусора у парка. В её светлых волосах запутались листья, а на обнажённой коже не таял снег. Лицо неузнаваемо изуродовано побоями. Кристиан внимательно изучил информацию по её делу, но потом закрыл папку. Тогда он увидел страничку пропущенного им документа. Фишер нахмурился, рассматривая его. Потом быстро поднёс к свету блокнот Саши и пролистал пару страниц к началу, где она делала портрет убитого.

«Такому, как он, нравятся молодые, почти девочки. В особенности – девственницы, – писала Саша. – Если бы я искала его жертв, то пыталась бы найти тех, кто помладше, наивных ещё и не знающих, что такое отношения».

Перед Кристианом лежали показания отца Василисы.

«Она была очень порядочной девушкой. Много читала, хотела стать филологом, а потом работать преподавателем в университете. Она даже не красилась, одевалась не вызывающе. Она красивая от природы, понимаете? Нужно быть последним подонком, чтобы вот так вот...»

«Парень у неё был, – призналась мама Василисы, – но он – хороший молодой человек, я знакома с его родителями, мы давно дружим. Они с Василисой по большей части дружили. В один садик ходили. Отношения только недавно начались. Мы в шутку женили их... Какая красивая пара бы была, вы не представляете».

Кристиан торопливо вытащил показания молодого человека Василисы.

Дмитрий Валерьевич Семёнов. На момент убийства его девушки ему было восемнадцать. Из-за серьёзных проблем со зрением его не взяли в армию. Перенес операцию на глаза. Родители не бедствуют, собирается стать инженером, отличник, куча положительных рекомендаций... Был под подозрением, разумеется, но его быстро сняли.

Когда Саша проснулась, Кристиана рядом не оказалось. Она попыталась встать, но ей помешал наручник, который больно царапнул запястье. Цокнув языком, она подергала его рукой. Некоторое время она ждала, а затем позвала Фишера.

Он вошёл в комнату уже одетый и собранный.

– Отлично. Ты проснулась. Дима уже задержал подозреваемого в убийстве. Оденься. Сейчас быстро завтракаешь и пытаешься проанализировать подозреваемого, – начал быстро рассказывать Кристиан, отстёгивая её наручник. Потом снял с её шеи фиксирующий воротник. – Замри.

Саша, протестующе сопя, замерла. Кристиан внимательно осмотрел её рану. Затем вытащил из-под кровати аптечку, протёр рану ваткой с дезинфицирующим раствором.

– Завтра сниму тебе швы, а сегодня ходишь с повязкой.

– Воротник можно не надевать? – хрипло спросила она.

– Можно не надевать, ткани срстаются очень быстро, – ответил он.

– Артура задерживали по двум случаям убийства и изнасилования. И в первом и во втором случае преступников посадили – два разных человека. Но только второй сидел не заслуженно. В обоих случаях у Артура было алиби. Но во втором случае прораб сказал, что Артур задержался на работе допоздна. Он ушёл только в десять часов вечера прямо в рабочей одежде.

– Муслим сказал, что он вернулся без рабочей одежды, – встрепенулась Саша. – И он не лгал. Да и зачем ему нам врать в таких мелочах?

– Именно, – кивнул Кристиан. – Прораб солгал, выгораживая своего подчинённого. Потом ты писала, что Артуру нравятся юные девушки, почти девочки. Под это описание подходит только одна жертва. У неё был молодой человек, которого сейчас подозревают в мести за свою невесту. Он достаточно умён, чтобы всё спланировать и продумать, хотя я не думаю, что он имеет отношение к трагедии в хостеле. Сейчас ты скажешь мне, почему. Жду тебя на кухне, – и он стремительно вышел из комнаты.

Саша растерянно тронула свою шею и вздохнула. Поморщилась, когда склонила голову на бок.

Стояло раннее утро. Она подошла к окну и посмотрела на утопающую в сером тумане февраля Москву. С кухни слышался запах сладких блинчиков. Кристиан невероятно вкусно готовил, хотя сам почему-то ел очень мало.

– Проклятье!

Этот возглас послышался с кухни. Саша поспешила к детективу. Увидев её, он включил в телефоне громкую связь. Из трубки она услышала незнакомый, приятный мужской голос.

– Я с этим что сделать могу, Крис?

– Сколько у меня времени? – спросил Фишер.

Саша не узнавала его в ту минуту. Обычно хладнокровный и сдержанный детектив, кажется, был в ярости.

– В смысле «сколько времени»? Суд при таких обстоятельствах будет через пару дней. Я попытаюсь привлечь родителей, но не думаю, что от них тут что-то зависит. К тому же, он называл такие подробности преступления, которые знали только оперативники и мы с тобой. Мало того – он объясняет каждое своё действие и его причину. Он действительно был если не преступником, то соучастником. И он признался сам, – рассказывал голос в телефоне. – Сказал, что ждал, когда за ним придут.

Кристиан закрыл глаза:

– Недоумок!

– Почему ты так уверен, что он не виноват? Он сказал, как всё произошло. Не телепатически же он информацию узнал?

– Я пока не знаю, каким образом он общался с настоящим преступником, – процедил Кристиан, расхаживая по кухне. – Можешь придержать его на месте, пока мы не приедем?

– Ты... хочешь допросить его, как обычно делаешь? – спросил голос в телефоне.

– Нет. Не думаю, что у меня получилось бы, – ответил Кристиан. – Я просто попытаюсь объяснить ему, что он – идиот и мешает мне найти того, кто действительно виновен.

– Плохая мысль. У тебя никогда не получались душеспасительные разговоры, Крис.

– Он не может сесть за решётку вместо настоящего убийцы. Плевать я хотел на его мотивы! Просто придержи его, пока я не приеду.

– Ладно. Но после этого я обязан официально закончить с тобой сотрудничество, понимаешь? Ты выполнил свою работу.

– Не страшно, – ответил Кристиан и положил трубку.

Не обращая внимания на ошарашенную Сашу, стоящую на пороге, он достал из шкафа пластиковый контейнер, ловко переложил туда блинчики, вручил его девушке и сказал:

– Одевайся, сейчас выезжаем в участок. Позавтракаешь прямо в машине, по дороге купим кофе, мне нужен быстрый анализ личности подозреваемого. Точнее, мне нужно, чтобы ты объяснила мне, почему этот придурок взял на себя чужую вину, – он взял с собой свой рюкзак, лэптоп и вышел в прихожую.

– А как это поможет?

Кристиан притворился глухим. Он был занят уже совершенно другими мыслями.

Деньги, месть и ревность – три кита, на которых держится почти вся статистика уголовных преступлений. Дело, которое я помогал расследовать, не относилось к разряду сложных при всей его театральности и эпатажности.

По большей части, Дима прекрасно справляется без меня. Он умеет подбирать себе талантливых ребят в команду и действительно любит свою работу. Проблема в том, что он бесконечно сильно занят. Разъезжать по городу и лично смотреть место преступления – роскошь, которую он больше не может себе позволить. Ему приходится опираться на оперов. Когда это не работает, а глаз замыливается, он зовёт меня. Как в этот раз, например.

Дима, собственно, и есть настоящий Шерлок. Но он, в отличие от меня, неплохо разбирается в людях. Один минус – они правда защищает закон, который я искренне и от всей души ненавижу.

Вот уж не думал, что в этом простом расследовании возникнут камни преткновения. Мне казалось, всё вот-вот подойдёт к концу.

– На основании лживых показаний прораба и показаний Муслима, а также опираясь на твой портрет, мы выяснили, что с большой долей вероятности погибший Артур связан с убийством шестнадцатилетней Василисы, – ровно говорил Кристиан, пока Саша торопливо уплетала ароматные блинчики и пила обжигающий кофе. – Теперь это совершенно очевидно, потому что молодой человек Василисы на данный момент является основным подозреваемым в убийстве Артура. Он дал показания против самого себя, подробно описав совершённое им преступление. Тем не менее, он не убивал Артура. Он действительно отличается от убийцы внешне, хотя это слабо заметно и выглядит притянутым за уши. Мы выяснили, что отбивался Артур от двоих человек, а подозреваемый утверждает, что справился в одиночку.

– Разве это нельзя выяснить при помощи следственного эксперимента? – спросила Саша.

– Об этом можно договориться во время первого слушания дела и только на средства стороны защиты, а подозреваемый не собирается защищаться, и никто не может его заставить. Так что следственного эксперимента не будет. По своей инициативе никто его не сделает.

– Мы можем сделать, – внезапно ответила Саша.

– У нас нет времени, Александра. Пока мы будем этим заниматься, настоящий преступник сбежит. Скорее всего, уже сбежал. Нам нужно найти его. Но для начала, давай притормозим судебный процесс.

– Постой... Крис, допустим, ты сейчас быстро отыщешь настоящего убийцу. Что дальше? Свяжешь и потащишь его в участок?

– Это мои проблемы, – сурово ответил Кристиан. – Пожалуйста, сосредоточься сейчас на портрете подозреваемого. Не думай больше ни о чём.

Саша посмотрела на Фишера и вытерла руки салфеткой.

– Тебе не всё равно, – пробормотала она негромко. – Странно.

– О чём ты? – недовольно спросил он.

– Тебе не наплевать на то, что невиновный сядет за решётку. Это необычно. Тебе не должно быть до этого дела, – пояснила она.

– Так, – быстро перебил он, – договоримся. Ты можешь изучать кого угодно, но пока я сам лично не скажу тебе, не изучай меня. Я же попросил тебя сосредоточиться на другом человеке!

– Я знаю. Просто пытаюсь отыскать в тебе светлые стороны.

– Нет, – неожиданно резко отрезал Кристиан. – Вот этого точно делать не надо!

– Даже если учесть, что это могло бы примирить меня с тобой?

– Это не примирит тебя со мной, даже не пытайся меня в этом убедить. И перестань меня злить.

Саша предпочла не отвечать, потому что Кристиан и впрямь выглядел злым. Точнее, его лицо, как и прежде, ничего не выражало, но от него веяло тугим, плотным фоном сильного напряжения.

Она сосредоточилась на данных о молодом человеке погибшей Василисы. Рассмотрела его фото, прочла показания, обратила внимание на его социальную страничку.

– Понятно, – прошептала она и улыбнулась. Глаза её загорелись от искреннего азарта, который у неё не вышло проконтролировать – слишком чистой оказалась радость от найденной истины.

– Что именно тебе понятно? – быстро спросил Кристиан.

– Конечно, он не убивал Артура, – выпалила Саша, почти не скрывая улыбки. – Для того, чтобы совершить такое убийство, ему требовалось готовиться, но он был не способен на полноценную подготовку. Он же почти никогда не бывает в одиночестве! Я просмотрела его альбом и список друзей. Он очень общительный человек, у него плотное расписание, куча знакомых. Ему есть, что терять. Он – отличник и вполне может стать преуспевающим инженером. За всё это время у него не появилось новой девушки, на аватарке до сих пор фотография, где он вместе с ней. Он не забыл её, он её любит. Ему хочется взять на себя вину, потому что ему обидно, что это не он совершил убийство. Ему хочется, чтобы все думали, будто он виновен. Хочется думать, что он смог отомстить за неё.

– Ладно, просмотр его странички может что-то дать, это можно применить в разговоре с ним, – отметил Кристиан. – Отлично. Ещё он как-то связан с настоящим убийцей. И я узнаю, как именно.

Саша прикрыла глаза:

«Вот я дура! Это не Стокгольмский синдром. Он играет на моих интересах и амбициях. И зацепил ведь... Но это не важно. Ничего не важно. Я придумаю, как избавиться от него. И никакими загадками он меня не подкупит».

* * *

В одном из самых, пожалуй, неудобных отделений полиции Москвы по центральному административному округу Сашу преследовало чувство духоты и беспомощности мыши, находящейся среди котов. Нервно сцепив вместе ладони, она смотрела из окна коридора во внутренний, аккуратный дворик с тесной парковкой и арочным выходом на узенькую, малолюдную и живописную улицу, которых так много в самом центре города.

Она поздоровалась с Димой, едва взглянув на него, испугавшись пронзительного, изучающего, неподвижного взгляда, которым обладает почти любой следователь. Он на самом деле занимал должность в СК. Тем не менее, он привык к работе на своем прошлом участке, и потому проводил там много времени – близко к своим подчиненным и к материалам преступлений.

Наружность коллеги Кристиана можно было назвать привлекательной из-за непомерно длинных, изогнутых ресниц вокруг светло-зеленых глаз, но и только. Он, как теперь говорят, «не вписывался в тренд» из-за своего грубого, прямоугольного лица, слегка кривоватого, когда-то сломанного носа, и регулярной небритости. Дмитрий был старше Кристиана на четыре года. Воспитанный довольно строгими и ответственными родителями, он всю жизнь хотел служить в правоохранительных органах. Юношеский огонь азарта и приключений в нём давно погас, оставив во взгляде холодный скепсис и парочку глубоких, печальных мимических морщин в уголках губ.

– У тебя новая ассистентка? – Дима посмотрел на Сашу с оттенком сочувствия.

– Это Диана. Она на испытательном сроке. Фиксирует некоторые наблюдения, поэтому я решил взять ее на допрос. Мы можем поговорить с обвиняемым?

– В кабинете ждет, – следователь посмотрел на Кристиана настороженно, зачем-то помедлив, внушительно прояснил: – Фишер, ты же не любишь допрашивать. И не умеешь, если говорить прямо. Давай договоримся: ты – наблюдаешь и стараешься лишний раз не доводить до истерики моего тезку. Кстати, запомни, его тоже зовут Дима.

– У меня в записях он обозначен, как «подозреваемый номер один».

– Ты меня понял, да? – перебил его Дима. – Попытайся не слишком действовать на нервы.

Кристиан только отмахнулся:

– Просто пошли уже...

Допросная, допросный кабинет или кабинет следователя – помещение, которое, как представлялось Саше, должно было выглядеть солидно. Вроде тех комнат со стеклом наблюдения, что показывают по телевизору. Но, к ее удивлению, допрос в русской полиции может проводиться в любом месте. Поэтому она разочаровалась, увидев тесный кабинет с рабочим столом, на котором стоял потрепанный фикус, на стене висела доска объявлений, а рядом на тумбе стояла кофемашина. Сбоку от стола стояли шкафы с множеством небольших ящичков. Дима пил что-то из пластикового стаканчика. В другой руку он держал наручники.

Взглянув на него, Саша мгновенно поняла, как ей следует себя вести и немного расслабилась. Их взгляды встретились, и она подумала: «Неплохой парень».

– Это наши консультанты по делу. Диана и Кристиан. Они прекрасные детективы, и у них есть некоторые основания полагать, что вы оболгали себя, давая показания, – Дима взглянул на Сашу с некоторым сомнением.

– Так и есть, – тихо сказала она и посмотрела в лицо обвиняемого.

– Скажите, вы читаете детективы?

Она говорила спокойно, волнение почти оставило её. Она знала, что делать, потому что в мыслях делала это сотни раз. Она понимала, что перед ней сидит невиновный. И считала своим долгом помочь ему.

Кристиан нахмурился, наблюдая за Сашей.

– Причём здесь это? – спросил Дима тихо. – Ну, может, в детстве читал Дойля. Давно...

– Просто для того, чтобы совершить всё, о чём вы рассказали следователю, нужно время на подготовку. Об этом знает каждый писатель детективов. Скажите, когда конкретно вы поняли, что убийцей вообще является Артур? Ведь посадили другого человека на основании свидетельских показаний.

– Я видел этого Артура. Видел, как он улыбался, когда выходил из допросного кабинета. С ним вместе вышли его дружки. Я сразу понял, что это – он.

– А если вы ошиблись? – спросила Саша.

– Я не ошибся, – резко ответил Дима. – Тот, кого посадили – обычный бомж. Он и показания через пень-колоду давал.

– Допустим. Как вы выяснили, где живёт Артур? – спросила Саша. – Вы следили за ним?

– Я не могу ответить, потому что не хочу никого подставлять.

– Никто не мог вам сообщить его адрес, – медленно произнесла Саша. – И, кроме того, я выяснила, что у вас не было и минуты свободного времени на подготовку к убийству. Пойдите, – она остановила его, когда Дима собирался заговорить. – Я могу вас понять. Вам бы хотелось совершить это преступление. Но вместо этого его совершил кто-то другой. Но... не совершить убийство – это не трусость.

Коленка Димы нервно дернулась. Он усмехнулся, кивнул и посмотрел в окно:

– Если это не я, то откуда я знаю столько подробностей?

– Это были не вы. Вас там даже не было. Убийство было совершено двумя людьми, об этом говорят следы сопротивления на теле Артура, – мягко произнесла Саша. – Но вы как-то связаны с настоящим убийцей, вы с ним связывались.

– Выходит, я всё равно сообщник, – пробормотал Дима, глядя на неё со смелым вызовом в слабой улыбке.

Этой фразой молодой человек себя выдал. Кристиан положил руку на плечо Саши, и она сказала обвиняемому:

– Нет. Если бы вы совершили это преступление и были горды им, то сразу бы пошли сдаваться. Но вы этого не сделали. Вы сказали, что ждали, когда за вами придут. Это – бессмысленно, вы лишь добавили работы оперативникам, что не входило в ваши планы. И вы признались в преступлении только когда узнали о нём. Для вас оно стало новостью. Вы не знаете, кто убил вашу девушку. Однако вы как-то связаны с этим человеком.

– Мне нужен ваш компьютер, – неожиданно прервал ее Кристиан. – Вы спрятали его, верно? Где именно? Или мне лучше прийти в вашу квартиру с обыском?

Это подействовало неожиданно, как сильная химическая реакция. Дима закрыл глаза и опустил голову.

– Вы уже ничего не узнаете. Я бросил свой компьютер с балкона. Наверное, его уже выбросили, – он взглянул на Кристиана ничего не выражающим взглядом.

– Но у вас есть электронный почтовый адрес, – отметил Кристиан.

– И что вам это даст?

– Прикрывать убийцу, которого вы не знаете, по меньшей мере, странно, – продолжил Фишер. – Мы уже поняли, что вы ничего не совершали. Следователь записывал наш разговор. Если вы не видели убийцу лично, то могли с ним переписываться в сети. В данных сказано, что дома у вас не нашли ноутбук, и я понял, что это ваш единственный способ связи, от которого вы поспешили избавиться.

– Вы бы ничего там не нашли, – убито произнёс Дима. – Я понятия не имею, кто со мной связывался.

– Это уже наша задача, – ответил Кристиан.

– Это даст нам время, – начал рассуждать следователь, когда Фишер и Саша вышли из допросного кабинета в коридор. – Диана, вы молодец!

– Спасибо, – пробубнила она. – Но всю работу проделал Кристиан. Я просто вывела подозреваемого на косвенное признание.

– Что делать теперь будешь? – спросил Дима детектива.

– Совершать кибер-преступление, – ответил тот.

– Ага. Громче говори, и желательно, в подробностях, а то не все это слышали, – проворчал следователь. – Я позабочусь о том, чтобы Дима изменил показания и использую твой черновой отчёт, который ты мне набросал. Спасибо. У меня голова идет кругом. Сейчас буду ещё

поднимать дело о халатном расследовании смерти Василисы. В конце концов, кто-то посадил невинного. Меня ждёт восхитительная бумажная волокита. Когда ждать результатов твоего кибер-преступления?

– Не знаю. У меня есть только ссылка на адрес в теневого интернете, а там следов не оставляют, – ответил Кристиан. – Думаю, это вообще тупиковый след. Сначала заеду пообщаться с родителями Василисы. Может, у неё ещё защитники могут быть.

– Не думаю, что это её отец-инвалид, – пожал плечами Дима. – Но, в любом случае, удачи. Надеюсь на скорые результаты.

– Как обычно.

– Было приятно с вами познакомиться, Диана, – следователь улыбнулся Саше одними глазами, а потом скрылся в кабинете.

– Поразительно, что с тобой работают, в целом, очень неплохие люди, – заметила девушка у машины.

– Он сидит на амфетаминах и нарочно не прикрывает контору, которая им торгует, – сообщил Кристиан. – А ещё улики подделывает.

Саша нахмурилась, не зная, что на это ответить. Кристиан продолжал:

– Но, в целом, он и правда неплохой. Сосредоточься на работе, хорошо?

Плохие... Хорошие... Ненавижу эти ярлыки! В целом, меня достойно воспитали родители, и я смог бы возвращаться в так называемом «элитарном обществе». Волк, одетый во фрак овечий, выдающий хищность бешеного оскала за вежливую улыбку, даже смешно.

Если бы моя временная помощница удосужилась изучить слугителей закона, она еще нескоро смогла бы отмыться от налёта цинизма, неизменно вросшего в её характер. Конституция запросто посадит за решетку парня, защищавшего девушку от грабителя. Чтобы доказать невинность в таком случае, нужно сильно постараться, на что не у каждого есть средства и знания. Эксперименты в криминалистических лабораториях, нанятый адвокат, это всё нужно делать за свои деньги, большие для простого человека.

Говорят, что при самозащите нельзя убивать, но это – дело случая, эмоций и человеческого фактора. В физическом столкновении всё решает инстинктивная реакция. Всем плевать, потому что в основах закона сказано, что человек обязан контролировать свои инстинкты. Все без исключений. В основе закона мы – неодушевленные роботы. Но не указано, с какого точно возраста мы должны целиком и полностью контролировать свои инстинкты. Никто не учит этому. Никто никогда всерьез не учитывает фактор воспитания.

Конституция не сажает взяточников, потому что они – истинные любимцы системы. Она называет оскорблением свободы вероисповедания любое вскользь сказанное слово. Хуже всего лишь налоговый кодекс и ситуация с защитой прав психически больных.

Таким образом, Александру ожидает много чудесных открытий.

Эта девушка, смотревшая на Диму с такой доброжелательной мягкостью, не знала, что самое страшное в правоохранительных органах – человеческий фактор. Чтобы эффективно работать, он принимает амфетамины, который медленно разрушает его нервную систему. Дима прикрывает своего поставщика – ничего серьезного, просто небольшое зло ради большого блага... Поставщик амфетамина некрупный, хотя Дима прекрасно знает, что один такой деятель порождает сотни новых наркоманов за два года. Он часто шипит мне, когда имеет намерение выговориться, что по коридорам в погонах ходят карьеристы, лентяи и недоучки, в лучшем случае.

Вера не знает о его привычке. Вера не знает ни-че-го, но догадывается, потому что она – умница. Циничная умница, уставшая однажды ждать принца и сама ставшая этим принцем. Роль ей удалась плохо, и с каждым годом она сильнее напоминает мне скандальную стерву из

лавки на рынке. Возможно, потому, что умные женщины редко находят себе пару. А может потому, что ее работа по криминалистике когда-то была украдена лучшей подругой.

При приёме на службу проводят тщательный отбор кандидатов в плане болезней нервной системы, но никто не проверяет их на безразличие и идеалы. Необъективно – говорят они. Так было бы непрофессионально – говорят они. Человеческий фактор – это бесконтрольный вирус в правоохранительных органах и везде, вообще, говорю я. Эти волки в погонах прикрываются уставом и приказами, когда истязают невинных. Прячут друг друга за спины, как и принято у волков. Собираются в стаи. Считают людей овцами. Идеальное сравнение.

Эта девочка не знала, что Дима – уставший, злой, разочаровавшийся человек, борющийся против системы, уже не понимая смысла борьбы. А Вера способна спокойно смотреть, как расчлениают ребенка и хлопать меня по ладони: ну-ка, отмотай назад, Крис, кажется, я заметила у него необычную желтизну в глазах.

Иногда Дима говорил мне – времена меняются, Кристиан. Сказал, постперестроечные традиции понемногу отпускают свою угрюмую хватку, в органах растет количество ответственных, человеческих людей. Просто они чаще всего не попадают на высокие должности... И еще их всячески забивают. А еще они, в принципе, никому не нужны, и от того спиваются в конце карьеры.

А так... всё нормально.

Застанем ли мы, как человечество, рассвет справедливости? Сможем ли выходить поздней ночью на улицу, зная, что закон оберегает, казнит и милует? Или вместо правосудия лишь труп замученной Фемиды продолжит реять мрачным призраком над простыми, загнанными в депрессию и отчаяние, гражданами страны? Я не оптимист.

Я взялся расследовать дело о смерти этого гастарбайтера, как за всякий классический «висяк». Что хорошо в России для меня – всегда найдется запоротое, безнадежное, глухое дело, скучать не придется.

Всего этого и многого другого Александра не понимает. Пока. Но она поймет, я заставлю ее, сломаю, если потребуется, ее наивность. И полюбуюсь на то, что вылупится из скорлупы.

* * *

Жёсткий диск компьютера уцелел. Кристиан выяснил это, заехав домой к родителям обвиняемого. Они собрали то, что осталось от ноутбука. К счастью, он упал крышкой вниз в мягкие кусты сирени. Крышка отломилась, ноутбук выглядел безнадежно испорченным, но находящийся внутри жёсткий диск уцелел.

Теперь оставалось заехать к родителям Василисы, которым Кристиан позвонил заранее.

Назначить встречу оказалось просто. Её отец почти всегда оставался дома. После гибели приёмной дочери он замкнулся в себе и практически перестал общаться с внешним миром.

Жуткая обстановка царил в большой, чисто убранной квартире. Саше показалось, что она вошла в склеп. Здесь рано появлялись зимние сумерки и не было слышно ни звука.

Отец Василисы передвигался с тростью и носил чёрные очки. Он был аккуратно одет, отличался прекрасной осанкой. Саша сразу поняла значение словосочетания «военная выправка». Он тихо поздоровался с гостями и нашёл в себе силы улыбнуться. Кристиан задавал простые вопросы. С кем общалась Василиса, что её отец думает насчёт настоящего убийцы и её молодого человека. Но в то же время Фишер внимательно изучал помещение.

– У вас всё-таки был ещё один ребёнок? – неожиданно спросил он.

– Он погиб, – неожиданно сухо и отрывисто ответил мужчина. Сделав вынужденную паузу, он добавил: – В Чечне. Восемнадцать едва исполнилось.

Казалось, он хочет сказать что-то ещё, но сдерживается.

Кристиан произнёс:

– Чудовищная трагедия.

– Позор это, – тихо сказал мужчина. – Для всей нашей нации. Чтобы взять и отправить пушечным мясом детей... – он вздохнул. – Так что Ильи не стало очень давно. Он очень любил младшую сестру, которую мы взяли из детского дома.

Разговор с ним вышел коротким, узнать ничего нового не удалось, хотя Кристиан на всякий случай взял пароли от социальных страничек Василисы, чтобы конкретно посмотреть, с кем она вела переписку. Он уже выходил, когда заметил на зеркале старое фото.

– А откуда у вас свадебное платье? Девочка на фотографии изображена в нём, – удивленно спросил Кристиан.

– Это платье моей жены, – мужчина улыбнулся. – Василиса увидела платье в шкафу и стала просить примерить. Мы не разрешали. Но с ней в тот день сидел Ильюшка, он ей разрешил, а потом её и сфотографировал. Уморительно получилось. Она часа два в нём ходила, воображая из себя невесту.

Кристиан ничего на это не ответил.

В агентстве он достал из ящика своего рабочего стола ещё один ноутбук и вмонтировал в него уцелевший жесткий диск с компьютера Дмитрия.

Саша сидела около Фишера, вынужденно наблюдая за его работой и параллельно выполняя собственную. Она никак не могла понять мотивов его действий. Кристиан был садистом, но он прекрасно держал все свои наклонности под контролем. Его не должна была волновать судьба невинного человека в тюрьме, но она явно волновала его. Он бестрепетно издевался над бедной Асей, получал удовольствие от игры с Сашей, а потом просто забыл её в психиатрической клинике на десять месяцев. Оставалось слишком много вопросов, которые она не задавала, потому что понимала: Фишер не станет отвечать. Чтобы получить хотя бы часть ответов, она наблюдала за ним.

Теперь – с закатанными рукавами чёрной рубашки, непослушной прядью волос, выбившейся из хвоста и падающей на лицо, с отверткой в руках, он совсем не напоминал гламурного гея, каким казался в ночном клубе во время первой встречи с Сашей.

– Не читай меня, – тихо сказал он, не глядя на девушку.

Она фыркнула и перевела взгляд в блокнот, где работала над портретом преступника.

– Готово, – Кристиан запустил браузер и вручную напечатал в адресной строке какой-то длинный код. – Так. Одиннадцатого января этого года на почтовый адрес Дмитрия пришла ссылка на сторонний сайт. Это ссылка на закрытый форум в теневом интернете. Затем пришёл код для входа на форум, и Дима сунул туда нос, – через некоторое время он добавил. – Я на форуме. Но здесь пусто. Записи почистили.

– И что теперь делать? – нахмурилась Саша.

– Выяснить, с какого компьютера Диме пришло письмо на почту.

– Как ты это сделаешь? – она заинтересованно подвинулась к нему, подтянув к его месту небольшое кресло на колёсиках.

Кристиан охотно ответил:

– Я использую внешний жёсткий диск с теневой операционной системой. У меня стоит англоязычная, ты её не знаешь. Это чистый, защищённый диск со специально настроенным браузером Тог. Я немного модифицировал настройки. Он годится только для скрытого серфинга. Этот ноутбук тоже чистый. Я собрал его специально для работы, вроде этой.

– Не слишком серьёзно для простого поиска ip адреса компьютера?

– Для меня – нет, – ответил Кристиан. – Теперь мы узнаем адрес провайдера, к которому подключён пользователь компьютера. Это быстро и легко, потому что такой ip – динамический, он запросто может меняться. Нашёл. У меня есть название фирмы и адрес провайдера. Теперь осталось получить сведения о пользователе.

– Ты же не собираешься...

– Взломать базу данных провайдера – самый быстрый путь. А времени у меня нет, – скороговоркой ответил Кристиан.

– Но это же сложно, – она зачарованно наблюдала за его работой.

– Только если ты не знаешь, что именно взламывать, – покачал головой он. – Говори, что там у тебя с портретом.

Саша встрепенулась, посмотрела в свой блокнот и, подумав, сказала:

– Итак, их двое. Как минимум, один из них напрямую связан с погибшей Василисой.

Кристиан её перебил:

– Пока мы никого не нашли. У неё нет среди знакомых никого, кто мог бы пойти на подобный акт мести.

– Тем не менее, он связан с ней, – твёрдо сказала Саша. – Он положил всю свою жизнь на кон ради этого убийства. Он жил этой мезтью, как минимум, полгода. Но ему помогали. Тот второй, по твоим словам, появился позднее. То есть, он помогал, и для него мезть не имела такого большого значения. Скорее, он как-то привязан к самому преступнику. Они оба не получали какого-то особенного удовольствия от убийства, и это – очень важно.

– Почему не получали? С чего ты взяла?

– Слёзы. Помнишь, я говорила о них? Преступник сочувствовал убийце, ненавидя его. Сложно представить себе букет чудовищных переживаний, который он испытывал в процессе, – неожиданно она осеклась. – Крис, можно мне посмотреть фотографии с места преступления ещё раз?

– Да, – он открыл свой второй рабочий ноутбук и дал его Саше. – Что-то не так?

– Я кое-что упустила. Ты ведь не раз указывал на то, что он – амбидекстер, верно? – голос у Саши был взволнованным. – И подчеркнул, что узлы на запястьях были сделаны очень умело, с привычкой, со знанием дела. А я сочла убийцу нормальным человеком, просто травмированным и убитым горем.

– Всё верно.

– Я ошиблась, – Саша облизала губы. – То есть, не совсем ошиблась. Он и впрямь нормальный человек и в целом, неплохой. Но ему уже приходилось не раз так связывать людей. И он умеет душить людей, ты сам писал об этом в отчёте. Мало тренировки, Крис, мало полугода, чтобы научиться такому. Нужна большая практика, – она посмотрела на Кристиана горящими глазами. – Ты ведь знал это.

– Постой, – он взял свой телефон и набрал домашний номер отца Василисы. – Здравствуйте. Это снова я. Кристиан. Узнали? У меня вопрос. Ваш погибший сын был правой или левой?

Саша недоумённо нахмурилась.

– Спасибо, – произнёс Кристиан. – Нет, ничего особенного. Просто кое-что проверяю. А где его похоронили? Там же, где и его сестру? Вы же там, наверное, всех своих родственников хороните, да? Понятно.

Когда он положил трубку, Саша смотрела на него, затаив дыхание:

– Подытожим, – начал рассуждать Фишер, сложив пальцы домиком. – Это человек, которому приходилось иметь дело со связыванием людей. Насилие является для него привычкой. Погибшая ему невероятно дорога. Он сломан внутренне и считает, что ему нечего терять. Он сумел вычислить настоящего убийцу Василисы, проследить за ним, составить план и выполнить его, нигде не допустив ошибки. Он амбидекстер. Портрет убийцы совпадает с тем, что мы знаем о погибшем в Чечне брате.

– Не может этого быть. Если он всё-таки жив, то...

– Он мёртв, Александра. В том-то и дело, – возразил ей Кристиан. – Родители опознали тело. Это он, ошибки быть не может.

– Ничего не понимаю.

– Я пока тоже, – медленно ответил сказал он. – Ситуация станет чуть яснее, когда я смогу получить нужные мне данные от провайдера.

– И когда это случится?

– Терпение. Дай мне немного времени, – ответил Кристиан, глядя в монитор. – Я уже обходил такую защиту. Пора им что-то делать со своей службой безопасности. У меня такое чувство, что в нашей стране не умеют защищать личные данные пользователей. Ты поразишься, как обстоят дела у некоторых банков.

Саша, слушая его, с досадой и изумлением поняла, что ей сложно справиться с собственным искренним интересом. Это раздражало. Она злилась на Кристиана и всё ещё желала ему смерти, она скучала по семье, но только теперь к этому примешивалось ощущение собственной значимости и азарта от порученной ей работы. Ей было интересно и приятно применять свои навыки, наблюдать, как они работают. Она впервые жила по-настоящему, и ей хотелось узнать, на что ещё она способна, если хорошо постарается.

«Именно этого он и добивается. Он сразу понял, чем меня купить, – думала она раздражённо. – Я не могу позволить ему мной манипулировать».

– У меня есть данные, – Кристиан поспешно выключил компьютер из сети и вытащил жёсткий диск. – Имя абонента, серийный номер контракта и адрес.

– Так просто? – изумилась Саша.

– Они не подозревали, что кто-то может пытаться их так вычислить. Они приняли меры предосторожности, которые бы остановили, возможно, полицию или хакера средней руки. Сеть недооценивают, как и безопасность в ней, – ответил Кристиан. – Ты едешь со мной.

– Куда? – опешила Саша. – Разве ты не должен рассказать обо всём своему другу из комитета, чтобы он...

– Нет, не должен, – раздражённо ответил Кристиан. – Поторопись, – он вышел в коридор, набрасывая на плечи своё пальто.

– Что ты будешь делать, когда поймаешь его?

– В твои обязанности не входит думать об этом.

* * *

Угрюмый, жилой, многоэтажный дом в девяностые был выстроен из белого кирпича, но со временем приобрел грязно-желтый оттенок. Штампованно-одинаковые, небольшие квадратики окон смотрели на проезжую часть дороги. Небо отяжелело под навесом туч, глядело холодно, словно сдавливало город, а сама атмосфера конца февраля казалась грязной и густой.

Саша накинула на голову капюшон куртки и зябко поежилась, семена за Кристианом, буквально летевшим вперед.

– Что ты намерен делать? – спросила она на ходу.

– Для начала просто выясню, кто живёт по адресу, который я узнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.